

История столкновений культур и неожиданных альянсов,
когда вчерашние враги оказываются союзниками.

Лия Арден

МЫ ОБНИМЕМ СМЕРТЬ



ДЕВИН МЭДСОН

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Девин Мэдсон

Мы обнимем смерть

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(4Авс)-44

Мэдсон Д.

Мы обнимем смерть / Д. Мэдсон — «Эксмо», 2021 — (Fanzon.
Наш выбор)

ISBN 978-5-04-179144-5

Старая империя пала. Пришло время новой империи. На завоеванном севере бывшая императрица полна решимости спасти свое государство. Ее поиски союзников становятся все более отчаянными. Увы, осознание того, что сила заключается не в титулах и званиях, а в самих людях, может прийти слишком поздно... Продолжение эпопеи в жанре темного фэнтези о разрушении империи, мистическом Востоке и безжалостных ордах кочевников.

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(4Авс)-44

ISBN 978-5-04-179144-5

© Мэдсон Д., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Список персонажей	9
В предыдущем романе...	11
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	54
Глава 7	64
Глава 8	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Девин Мэдсон

Мы обнимем смерть

© 2021 by Devin Madson

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

В О З Р О Ж Д Е Н Н А Я И М П Е Р И Я

МЫ ОСЕДЛАЕМ БУРЮ

МЫ ОБНИМЕМ СМЕРТЬ

WE CRY FOR BLOOD

WE DREAM OF GODS



DEVIN MADSON

WE
LIE
WITH
DEATH

ДЕВИН МЭДСОН

МЫ ОБНИМЕМ СМЕРТЬ



fanzon

МОСКВА
2023

Список персонажей

Левантийцы

Род Торин

Рах э'Торин – изгнанный капитан Вторых Клинков Торинов.

Эска э'Торин – заместитель Раха (умер, душа освобождена).

Кишава э'Торин – охотница (умерла).

Орун э'Торин – конюх (умер, душа освобождена).

Йитти э'Торин – целитель.

Дзиньзо – конь Раха.

Лок, Хими и Истет – Клинки Торинов.

Гидеон э'Торин – капитан Первых Клинков Торинов, ныне император Левантийской Кисии.

Сетт э'Торин – брат и заместитель Гидеона.

Теп э'Торин – целитель Первых Клинков.

Тор, Матсимелар и Ошар э'Торины – седельные мальчишки, которых Гидеон назначил переводчиками.

Нуру э'Торин – переводчик-самоучка, которая никогда не служила чилтейцам.

Род Яровен

Дишива э'Яровен – капитан Третьих Клинков Яровенов.

Кака э'Яровен – заместитель Дишивы, немой. Чилтейцы отрезали ему язык.

Атум э'Яровен – капитан Первых Клинков Яровенов.

Локлан э'Яровен – конюх Дишивы.

Шения э'Яровен – единственная из Яровенов, заклеянная в изгнании.

Птафа, Массама, Дендек, Ануке, Эси, Моше э'Яровены – Клинки Дишивы.

Другие левантийцы

Ясс эн'Окча – Клинок рода Окча.

Лашак э'Намалака – капитан Первых Клинков Намалака и подруга Дишивы.

Йисс эн'Охт – капитан Первых Клинков Охта, пылко предана Гидеону.

Тага эн'Окча – капитан Первых Клинков Окча и предводительница Ясса.

Менесор э'Кара – капитан Вторых Клинков Кара.

Джейша э'Кара – заместитель Менесора.

Сенет эн'Окча, Якан э'Кара, Яфеу эн'Инжит, Балн эн'Охт, Тафа эн'Охт и Кехта эн'Охт – охрана императора.

Нассус – левантийский бог смерти.

Мона – левантийская богиня правосудия.

Кисианцы

Мико Ц'ай – дочь императрицы Ханы Ц'ай и Катаси Отако.

Император Кин Ц'ай – последний император Кисии (умер).

Императрица Хана Ц'ай – свергнутая императрица Кисии.

Принц Танака Ц'ай – брат-близнец Мико (умер).

Чичи – собака Мико.

Дзай Ц'ай – незаконнорожденный сын императора Кина.

Лорд Таси Оямада – дедушка Дзая по матери и регент.

Генерал Китадо – командующий императорской гвардией Мико.

Министр Рё Мансин – министр левой руки, главнокомандующий императорской армией.

Лорд Хирото Бахайн – правитель Сяна.

Эдо Бахайн – старший сын герцога Бахайна.

Капитан Нагаи – человек герцога.

Лорд Ниши (Соленый лорд) – богатый кисянец, приверженец Единственного истинного Бога.

Чилтейцы

Кассандра Мариус – чилтейская шлюха и наемная убийца.

Иеромонах Креос Виллиус – глава церкви Единственного истинного Бога.

Лео Виллиус – единственный ребенок его святейшества иеромонаха.

Капитан Энеас – глава охраны иеромонаха.

Свифф – подчиненный капитана Энеаса.

Другие

Торваш – Знахарь.

Госпожа Саки – безмолвная спутница Торваша.

Кочо – писец и слуга Торваша.

Лечати – молодой человек на службе у Торваша.

В предыдущем романе...

Отношения между имперской Кисией и соседним государством, Чилтеем, становились все напряженнее. Набеги и грабежи вдоль границ приближали очередную войну, надежда на примирение была связана с подписанием нового договора, скрепленного браком Лео Виллиуса, сына иеромонаха Чилтея, и принцессы Мико Ц'ай. Бросив вызов старому императору, брат Мико напал на Лео Виллиуса, когда тот пересек границу, однако убить не сумел и был казнен за измену.

Получив желанный повод для масштабного вторжения, армия Чилтея, усиленная левантийскими воинами из-за моря Глаза, прорвала границу. Изгнанные с родины, Рах и его люди были вынуждены пойти на службу к чилтейцам, хотя воевать за других не в их обычае.

С помощью Кассандры, наемной убийцы, наделенной способностью оживлять недавно умерших, чилтейцам удалось захватить неприступную крепость Кой. Кассандра должна была убить Лео Виллиуса по заданию его отца, что она и сделала, но мертвый Лео возвращается и отбирает у нее свою голову. За эту неудачу Кассандру продают Знахарю, единственному человеку, способному изгнать чужой голос, звучащий в ее голове.

После неудачной попытки отобрать звание вождя левантийцев у своего близкого друга Гидеона э'Торина Рах становится телохранителем Лео и чилтейцы продолжают войну, продвигаясь на юг, к кисианской столице. Намереваясь защитить ее, Мико принимает сторону императора против собственной матери, однако он умирает, оставляя ее в одиночестве перед лицом угрозы. Мико коронует себя как императрицу и встает против чилтейцев. Ее армия не в силах сдержать атаку, и чилтейцы захватывают столицу, но их убивают обратившиеся против хозяев левантийцы по приказу Гидеона. Мико удается бежать, спасаясь от смерти, а Раха, не согласившегося с тем, куда Гидеон ведет его племя, берут под арест.

Посвящаю мисс И., от которой я узнала так много – о самой себе, а также о том, что самое главное и важное в жизни редко дается с легкостью.

Глава 1

Рах

В темноте время стоит на месте. Нет ни дней, ни ночей, в темноте ты просто перестаешь существовать, пока душу подтачивает одиночество, но ничто не сможет вытравить правду из моего сердца. Я – левантиец. Торин. А воинам степей полагается умирать не так.

– Гидеон! – крикнул я, прижавшись лицом к прутьям решетки. Голос унесся во тьму. – Гидеон!

Цепляясь за решетку, втягивая растрескавшимися губами воздух, я завел нашу песнь. Мы пели ее, оплакивая потери. Мы пели ее, когда больно. Пели под звездами и палящим летним солнцем. Пели в силе и слабости, но чаще всего – в одиночестве. Ее словам нас – горстку детей, освободившихся от работы в конце долгого дня, проведенного в дороге, – научил Гидеон. Мы сидели у его ног, сражались за право сесть как можно ближе, будто его старые потные сапоги были священны.

«Но что все это значит?» – спросила девочка, чье имя и лицо скрыла пелена времени, оставив лишь благодарность за то, что она задала вопрос, и мне не пришлось выглядеть глупо.

«Это молитва, – улыбнулся глупышке Гидеон. – Возвышая свой голос к богам, ты никогда не будешь одна, потому что они увидят тебя. Услышат. Признают».

Он взьерошил девочке волосы и оставил нас, а мы таращились ему вслед. Пусть он был самым младшим Клинком Торинов, просто мальчишка по сравнению с другими воинами, но для нас, для меня он был богом.

Когда я допел, эхо песни медленно растаяло в тишине.

Гидеон не пришел.

* * *

Меня разбудила боль в животе. Может, прошли минуты, а может, часы. Я знал только голод, жажду и темноту. Поднявшись на трясущихся ногах, я не мог не думать о нашем пути на юг, о том, как нас били, морили голодом и покрывали позором чилтейцы – те самые чилтейцы, что позже погибли от левантийских клинков. Освободил ли Гидеон их души? Или сжег, как зверей, вместе с головами?

– Гидеон! – Голос хрипел, жажда лезвием резала горло. – Гидеон!

Ответа не последовало, и я зашагал по тесной камере, трогая каждый прут решетки. Всего семнадцать, все идеально гладкие, но те шесть, что служат дверью, слегка толще остальных. Ни света. Ни ветерка. Только тьма, и подобно голоду, вгрызавшемуся в мои внутренности, мысли стал разъедать страх. Меня забыли?

– Гидеон! Йитти!

Только эхо в ответ.

* * *

Я не слышал шагов, но, открыв в следующий раз глаза, обнаружил, что больше не один. Сквозь решетку лился яркий свет, и я вздрогнул и попятился, пока лопатки не коснулись стены.

– Прости. Я не подумал.

Раздался металлический скрежет, и свет из полуденного стал сумеречным.

– Выглядишь жутко.

Я рассмеялся. Или попытался, поскольку получился лишь хрип, а желудок скрутило узлом.

– Надо было предупредить, я бы помылся, – проскрипел я.

– Ну, хотя бы твое чувство юмора не пострадало. – Глаза привыкли к свету, и я разглядел вечно хмурящую физиономию Сетта. – Не уверен насчет...

– Я хочу видеть Гидеона.

Ответом стало лишь потрескивание горячего металла лампы, усиленное тишиной. Я молчал, пока Сетт не откашлялся.

– Не получится.

– Он не может отказаться повидаться со мной. Я – Клинок левантийцев. Торинов. Я...

– Его здесь нет, Рах.

Я уставился на грубые черты Сетта, будто в них скрывался ответ.

– Что значит «нет»? Он отправился домой?

Резкий смех Сетта эхом разнесся по коридору.

– Нет, он не отправился домой. Он теперь император, а здесь небезопасно. Чилтейцы разрушили оборонительные сооружения города, а к чему восстанавливать их, если твоя империя к северу от реки, а не к югу? Теперь здесь вражеская территория.

– Вражеская?

– Не надо больше вопросов, Рах. Это ты отправляешься домой.

В замке заскрежетал ключ, и Сетт с усилием распахнул дверь.

Домой. Я не желал ничего другого с первого дня, но все же не сделал ни шагу к свободе.

Сетт скрестил руки на груди, не выпуская из них фонарь.

– Серьезно? После всего, что случилось, ты продолжаешь упрямиться?

– Мы не убиваем. Не крадем. Не завоевываем. – Я повысил голос. – И единственный способ сместить командира Клинков – это вызов или смерть. Я – капитан Вторых Клинков Торинов, пока кто-то из них не бросит мне вызов.

Сетт зарычал, сжав ручку фонаря.

– Просто поезжай домой, Рах. Поезжай домой.

Он повернулся и пошел обратно, оставив дверь камеры широко открытой. Я последовал за удаляющимся светом. Ноги тряслись.

– Где мои Клинки?

– С Гидеоном, – не останавливаясь и не сбавляя шаг ответил Сетт.

Я старался не отставать, поскользываясь на влажном каменном полу.

– А Дишива?

– Тоже.

– А Лео?

Сетт остановился и повернулся так резко, что фонарь едва не впечатался мне в лицо.

– Чилтейский бог-мальчишка? Мертв. Ты видел, как он умер. С тех пор его состояние не улучшилось. – Сетт вздохнул. – Не делай глупостей, Рах. Я знаю, тебе тяжело, но это твой шанс убраться отсюда, отправиться домой. Если снова начнешь доставлять проблемы, у Гидеона не будет выбора, кроме...

– Кроме чего? – спросил я, когда он зашагал снова. Его раскачивающийся фонарь пьяной звездой указывал путь. – Кроме как убить меня? – Я поспешил вслед за Сеттом. – Таков новый левантийский обычай? Убивать тех, кто оспаривает твои решения, а не драться с ними в честном поединке?

Не ответив, Сетт начал подниматься по лестнице, разочарованно топая по камням. Я остановился у подножия, пытаясь отдышаться, и едва не выскочил из собственной шкуры, когда фонарь Сетта осветил ближайшую к лестнице камеру. У самой решетки стоял человек и не мигая смотрел на меня, будто стараясь запомнить мое лицо. Я поборол желание отступить

назад, отвести взгляд, радуясь, что нас разделяет решетка. Грязное лицо человека обрамляли торчащие в разные стороны волосы, но сквозь пелену запущенности проглядывало что-то знакомое.

Сетт остановился.

– Кто это? – спросил я, не отводя взгляда от пленника.

– Министр Мансин, – донесся с лестницы ответ Сетта. – Человек, который сидел на троне в боевых доспехах императрицы.

Министр Мансин, занявший место императрицы, чтобы обмануть ее врагов, пристально вглядывался в меня из-за решетки. Мне хотелось сказать ему, что я никогда не желал падения Кисии, что я ему не враг, но я сражался вместе со своим народом против его народа, и этого не изменить никакими словами. Да он их и не поймет.

– Пошли, – буркнул Сетт, и звук его шагов возобновился. Свет ушел с лица министра. Я оторвал от него взгляд и пошел по лестнице.

Сетт поднимался медленно, но я все равно не поспевал за ним, одышка и боль усиливались с каждым шагом, напоминая о том, что мое тело нуждается в еде, воде и отдыхе. Если бы не гордость и гнев, я бы уже карабкался на четвереньках.

Добравшись до верхней площадки, я, тяжело дыша, оперся о стену из грубо отесанного камня. Шаги Сетта продолжили удаляться, но вскоре он вернулся за мной.

– Прости, что оставил тебя там так надолго, – сказал он. Его лицо расплывалось у меня перед глазами. – У меня не было выбора. Ты можешь выбраться незамеченным только ночью, и мне нужно было дожидаться, пока уедет Гидеон.

– Он что, ничего не знает?

Мне не хватало времени подумать, почему Сетт меня отпускает, но какова бы ни была причина, его лицо оставалось недобрым.

– Наверху есть еда, можешь поесть перед отъездом, – сказал он. – Я собрал твои седельные сумки. Дзиньзо ждет во дворе.

Дзиньзо. Я не смел и надеяться, что когда-нибудь снова увижу своего коня, не говоря о том, что мне позволят свободно уехать, но гнев опередил облегчение.

– Ты тайком отсылаешь меня из города, будто стыдишься.

– Можешь и так сказать.

– В то время как Гидеон отсутствует и не может тебе помешать.

Он секунду помолчал.

– Можешь снова идти? Еда уже близко.

Похоже, задавать вопросы о Гидеоне не разрешалось.

Внутренний дворец изменился. Некогда шумный и заполненный трупами солдат, сейчас он был окутан тишиной и тенями, превращавшими его резные колонны в прячущихся по углам неведомых существ. За бумажными экранами теплился свет, шорох наших шагов отзывался шепотком, но мы не встретили ни одной живой души.

Сетт привел меня в комнатку на первом этаже, где ночную темноту разгоняли две лампы. Низкий столик был уставлен блюдами, но мой взгляд устремился к чаше с мерцающей жидкостью. Не заботясь о том, вино это или вода, я опрокинул ее в рот. Горло обожгло шаром огня, я выронил чашу и закашлялся.

– Кисианское вино, – сказал Сетт. – Кажется, они делают его из риса. Или пшена. Есть еще чай, но не пей так быстро, его подают горячим.

– Зачем? – выдавил я еще более хрипло, чем раньше.

– Понятия не имею. Когда найду кого-нибудь, кто меня поймет, спрошу.

– А вода есть?

Сетт осмотрел стол.

– Кажется, нет. Они не слишком уважают воду. Считают ее грязной, и, возможно, здесь так оно и есть. – Он пожал плечами и хмуро добавил: – И добычу они не готовят целиком, по крайней мере здесь, во дворце. Режут ее на куски. – Он обвел рукой стол. – А лучшие части вообще не едят. Я видел, как они скармливают печень псам.

В желудке боролись голод и тошнота, я выбрал самый опознаваемый кусок мяса и откусил. Слишком много специй и странный соус, но голод все же победил, и я быстро затолкал мясо в рот, потом еще и еще. От еды заболел живот, но голод заставил меня продолжать есть, пока я едва не лопнул.

Пока я ел и пил, стараясь не заляпать и без того грязную и вонючую одежду, Сетт, словно часовой, стоял у двери. Он ничего не говорил и не шевелился, просто стоял, скрестив руки и глядя в пространство. Между его бровями залегла глубокая складка.

Когда голод был побежден, снова разыгралась тошнота, и я прижал все еще трясущиеся руки к животу. В носу стоял противный сладковатый запах непривычной пищи, и я откинулся назад, надеясь, что желудок ее не отвергнет.

Только когда тошнота немного отступила, я смог произнести:

– Ты ведь на самом деле не собираешься меня отпускать?

– Ты так думаешь? По-твоему, Дзиньзо оседлан для кого-то другого?

Я фыркнул и медленно встал, все еще держась за живот.

– Ты правда тайком высылаешь меня из города среди ночи, чтобы никто этого не видел? Что подумают люди? Что я умер? Что ты меня убил?

– Я не хочу, чтобы люди вообще о тебе думали. От тебя слишком много проблем, Рах. Послушай меня. Оставь Гидеона в покое. Оставь Йитти. Они сделали свой выбор, как и остальные Клинки, кто хочет новый дом и лучшую жизнь.

– У нас уже есть дом.

– Так иди, сражайся за него!

Среди экранов повисла тишина, наполненная пылью, запахом специй и ладана. В каждом вдохе я чувствовал вкус призрачных остатков чужой жизни, постоянно присутствовавшего напоминания о том, как далеко я от родных степей.

– Мне вернут клинок? – спросил я, пристально глядя Сетту в глаза.

– И ножи, если хочешь. Если тебе нужна замена сабле, которую ты бросил в Тяне, придется удовольствоваться кианским мечом. Не особенно подходящая пара, но других у нас нет.

Кианский меч мне хотелось не больше, чем есть их пищу, жить на их земле или завоевывать их города, но все же я кивнул, и губы Сетта растянулись в сдержанной улыбке.

– Пошли, найдем тебе чистую одежду.

По пути нам не встретилось ни единой души, весь внутренний дворец казался пустой могилой. Тела убрали, но остались сломанные экраны и ограждения, многие двери превратились просто в проемы, заваленные обломками и бумагой.

Зайдя в какую-то дверь, Сетт поводит перед собой фонарем, осветив вместо опрятной комнаты кучи сложенного по видам оружия в море одежды, кожаных доспехов и кольчуг.

– В основном тут все слишком маленькое, но несколько разрезов в нужных местах это исправят. – Сетт поставил лампу на выпотрошенный сундук и взял нечто из зеленого шелка. – Мундиры у имперской армии были неплохие, но от них почти ничего не осталось.

Я не желал носить кианские вещи, но моя кожаная одежда видела столько грязи, что не хотелось даже об этом думать. Я много раз в ней сражался, и по коленям стекала кровь множества отрезанных голов. А здесь, несмотря на беспорядок, все выглядело свежим и чистым.

Сетт бросил мне шелковое одеяние. Оно скользнуло у меня между пальцами, цепляясь тонкими нитями за огрубевшую кожу. Я позволил ему упасть и разлиться по полу, как мерцающие зеленые воды залива Хемет.

И снова Сетт стоял молча, пока я обходил комнату, роясь в россыпях одежды. Штаны, которые я выбрал, были слишком тесные, рубаха слишком длинная, кожаная поддевка слишком тонкая, а плащ слишком тяжелый. Одежда была мне нужна, но врезалась в тело, от нее чесалась кожа, а чересчур тесный воротник душил как удавка. Под левантийским солнцем в таком одеянии можно свариться заживо, но, если кирианские дожди хоть наполовину настолько ужасны, как считали чилтейцы, я буду ему рад. Кошмарные дожди. Если бы чилтейцы не так сильно боялись воды, то, возможно, почуяли бы зреющий под самым носом мятеж. Или нет. Я же не почуял.

Я раскинул руки, приглашая Сетта оценить мой вид.

– Ну, как я выгляжу?

– Смехотворно. Но чисто. Пойдем, скоро рассвет.

Взяв на замену кирианский меч и сунув вещи в сумку, я снова последовал за Сеттом в тишину дворцовых теней.

– Где все? – спросил я, стараясь поспевать за его быстрым шагом.

– Где им, по-твоему, быть посреди ночи?

Он вошел в зал. Сетт был высоким человеком, но казался крошечным по сравнению с возвышавшимся над ним дворцовым шпилем. Последние слова Сетта поднялись в залитую лунным светом высь, шаги отдавались эхом, когда он пошел к открытым дверям. Нет, не открытым. Сломанным. Чилтейцы разбили главные двери так же, как и многие другие, предоставив Лео пройти сквозь них, будто их открыла рука его бога.

Укол вины вынудил меня воздержаться от дальнейших расспросов. Я поклялся защищать Лео и не сдержал клятву. Так же, как клялся защищать своих Клинков. И свой гурт.

Сетт прошел через разбитые двери. За ними нас встретили пологие ступени и, если бы не душная ночь, я будто бы вновь шел по колоннаде вслед за Лео.

– Что стало с телом Лео?

– Не знаю, – ответил Сетт, не оборачиваясь.

– Как ты можешь не знать?

– Я не спрашивал.

Он еще быстрее зашагал по колоннаде, заполненной удушающим запахом гниющих цветов, раздавленных нашими ногами. За зарослями винограда раскинулся сад. Ночное небо над внешним дворцом осветил удар молнии. Внутри было душно, но здесь оказалось еще хуже. Жара давила тяжелой рукой, от ее влажного прикосновения со лба капал пот.

К тому времени, как Сетт дошел до внешнего дворца, мне пришлось гнаться за ним вприпрыжку. Колени обжигала боль.

– Сетт...

– Просто иди, Рах. У меня больше нет для тебя ответов.

Он поспешил под огромную арку. Прогремел гром.

– Где Первые Клинки?

Сетт с каждым шагом обгонял меня еще сильнее, предоставив хромать за ним по темным коридорам и извилистым дворикам. От спешки его фонарь тошнотворно раскачивался, ручка скрипела, свет метался по стенам туда-сюда. Непохоже, что фонарь был нужен Сетту. Он знал дорогу. Лео тоже ее знал.

Я крепче схватил мешок с грязной одеждой и догнал Сетта.

– Сетт, скажи правду, что происходит?

– Ничего. Смотри, как я и обещал, – указал он, когда мы снова вышли в ночь, и его шаги камнепадом застучали по внешней лестнице.

Во дворе ждал Дзиньзо, которого держал под уздцы Тор э'Торин. После смерти командера Брутуса юноша стал свободен, как любой из нас, но темные круги под глазами остались, и держался он напряженно.

– Ты должен был передать приказ, а не оставаться, – сказал Сетт, подходя к нему. – Ты нужен мне внутри, помочь с письмами. Тот писец не понимает и половины того, что я говорю.

– Прости, капитан, – сказал Тор, складывая кулаки. – Не хотел оставлять коня капитана Раха одного в такую погоду. Он мог забеспокоиться.

– Он больше не «капитан» Рах, – рыкнул Сетт.

Я прижался лбом к шее Дзиньзо, зарылся пальцами в ухоженную гриву, притворяясь, что не слышал этих режущих душу слов. Не капитан. Чужая еда в желудке забурлила, вернулась тошнота.

В молчании я осмотрел Дзиньзо, скорее по привычке, чем из опасения, что за ним плохо ухаживали. Лицо Сетта оставалось все таким же хмурым каждый раз, когда я отваживался бросить на него взгляд. Тор тоже остался и переминался с ноги на ногу неподалеку. Он облизал губы и улыбнулся, когда заметил, что я смотрю на него, но улыбка вышла неубедительная.

Снова прогремел раскат грома, далекий, но грозный. При взгляде на закрывавшие звезды тучи я начал понимать страхи чилтейцев.

Мои сабля и ножи торчали из седельной сумки – кисианской, как я заметил, но не посмел спросить, что случилось с моими собственными. Вопрос будто застрял у меня во рту, приклеенный жутковатым чувством, что здесь что-то совсем не так.

– Ну, так ты скажешь мне, что происходит? – спросил я, засовывая мешок с оружием в сумку и похлопывая Дзиньзо по шее.

Сетт рассмеялся, и от этого безрадостного звука по мне побежали мурашки.

– Садись на коня, парень.

Я рискнул бросить еще один взгляд на Тора, но мальчишка уставился на камни. Молния осветила его длинные и растрепанные черные волосы.

– Ладно, – сказал я и отсалютовал Сетту, как Гидеону. – Пусть Нассус ведет тебя и хранит твою душу.

Он будто меня не слышал.

Когда я карабкался на спину Дзиньзо, ноги пронзила боль. Но все слабости моего тела в тот момент превратились в ничто – я снова стал всадником. Сила Дзиньзо наполняла мою душу. С поводьями в руках я мог сидеть гордо и прямо, невзирая на вину, страх и боль. В седле я снова был левантийцем.

– Поезжай на север. – Нетерпеливый перестук копыт Дзиньзо вывел Сетта из транса. – И не останавливайся, пока не достигнешь Ленты. Когда доберешься до дома...

– Я не еду домой. Не сейчас. Я не вернусь туда, пока не повидаясь с Гидеоном.

Из горла Сетта вырвался крик раненого зверя, и он схватил уздечку Дзиньзо.

– Ты что, вообще не слушал, Рах? Уезжай! Убирайся отсюда!

– Нет, пока хотя бы не попрощаюсь. Он встал на путь, по которому я не могу за ним последовать, но я не могу уйти, даже не увидев его. Даже не...

Сетт придвинулся ближе, прижав мою ногу к боку Дзиньзо.

– Слишком поздно, Рах. Я говорил тебе, что ты ему понадобишься, а ты его подвел. Всех нас подвел. Я не позволю тебе сделать это еще раз.

– Подвел? – Слова резали сердце ножом. – Я пытался спасти его. Спасти всех нас. Я...

Ногу пронзила боль, подобно огненному следу молнии в ночном небе, и я подавил вопль. В покрытых шрамами пальцах Сетта оказалась рукоять пробойника, а его крюк торчал в моем бедре.

– Считай это последним предупреждением. Уезжай. Сейчас же. Он не хочет тебя видеть.

Я до боли сжал поводья Дзиньзо, но огонь в ноге не утих.

– Тогда пусть он скажет мне об этом сам, – процедил я сквозь стиснутые зубы.

Сетт протащил крюк по коже, разрывая плоть. Я хотел закричать, заплакать как ребенок, вытошнить боль на камни, но сжал губы, медленно дыша. Дзиньзо пытался отойти в сторону, но я заставил его стоять смирно, не позволил вырвать крюк.

– Уезжай отсюда, – словно разъяренная змея прошипел Сетт. – Ты хотел знать, где остальные Первые Клинки. Где Вторые Клинки. Они все на стенах, ждут возможности утыкать твою спину стрелами, если ты меня не слушаешь. Так что первый раз в жизни послушай, Рах. Скачи на север – и быстро. И не оглядывайся.

Он рывком вытащил крюк, и я задохнулся. Двор вокруг меня закружился. Горячая кровь пропитала штаны и капала на землю, Дзиньзо попятился, учуяв ее. Прежде чем я успел успокоить коня, шлепок по крупу отправил его в галоп. Копыта загрохотали по камням двора, и мне оставалось лишь крепко держаться, чтобы не упасть.

Ворота пролетели мимо, мы набирали скорость, и держаться ногами с каждым шагом становилось все сложнее. Я быстро терял кровь. Рану требовалось перевязать, зашить, но я не обладал навыками Йитти, а он... Сколько моих Клинков желали моей смерти?

Скачи быстро. И не оглядывайся.

Мы проскочили Мейлян в дымке мерцающих огней и тени. В отличие от дворца, город жил, и люди отскакивали с дороги, их крики смешивались со стуком копыт.

Дорога от дворца к северным воротам была прямая и широкая, и Дзиньзо скакал по ней навстречу собирающейся буре, молнии подражали копьям боли, сверкавшим у меня перед глазами. Я скакал мимо сгоревших остовов некогда великолепных зданий, мимо фонтанов, святыниц и груд мертвых тел, мимо баррикад и громадных деревьев, похожих на руки, тянущиеся к небу. Впереди показались стены Мейляна, ворота были открыты.

Дзиньзо не сбавлял ход. Кровь заполняла сапог, мне нужно было перевязать ногу, но на стене мелькали огни, и я не мог остановиться. Пока нет. Умереть ради долга почетно. А быть убитым в седле своим собственным народом – нет.

Низко пригнув голову с развевающейся гривой, Дзиньзо пролетел сквозь ворота в ночь. Нас поглотила тьма, но мы не замедлили ход. Каждый удар копыт по дороге, казалось, выкачивал кровь из моей раны, но я сжал зубы в ожидании стрел. Спину покалывало от уверенности в том, что в любой момент может ударить беззвучная смерть. С каждым шагом страх уступал место надежде, пока наконец я не решился оглянуться. Цепочка мерцающих факелов на стене походила на следящие за нами глаза – глаза всех левантийцев, что я привел в это проклятое место. Всех левантийцев, что я должен забрать домой.

– Давай-ка сначала не истечем кровью до смерти и...

Все закружилось, когда я обернулся. Дорога наклонилась, и, не в силах больше держаться, я повалился на нее головой вперед.

Глава 2

Дишива

Итагай тряс головой, пока я расчесывала спутавшуюся за день гриву. Он не любил этого, и я медленно и осторожно распутывала каждый колтун. Прекрасный повод заставить императора ждать.

Конюшенный двор заполняли другие левантийцы, сидевшие рядом со своими лошадьми или о чем-то беседовавшие маленькими группами. Никто за весь вечер не подошел ко мне, даже мои Клинки. Теперь, когда первый огонь победы угас, никто толком не знал, что говорить. Мы победили. Мы захватили город. Перебили врагов, этих ужасных людей, мучивших нас и моривших голодом, но... Ликование отступало, и закрадывались сомнения. Победа ничего не вернула назад, она сделала все лишь запутаннее.

– Не думаю, что мы им нравимся, – донесся голос от соседнего стойла. Конюшни. Домики для лошадей, как будто им непривычен дождь над головой.

– Вот и прекрасно, потому что мне они тоже не нравятся, – последовал тихий ответ. – Когда заканчивается твое изгнание?

– Через половину цикла, а твое?

– Примерно так же.

Дальше вопросов не последовало, но я сомневалась, что причиной стала лишь преданность нашему гуртовщику. В последнее время множество языков сковывал страх.

– Капитан Дишива э'Яровен?

Я повернулась, забыв щетку в гриве Итагая. В дверях стоял широкоплечий левантиец, мощные руки сполна компенсировали недостаток роста. Он был не из моих Клинок и незнаком мне, но это и неудивительно, учитывая, сколько нас собралось в одном месте.

– Да?

– Гуртовщик... Император Гидеон желает поговорить с тобой.

– Я знаю, но кони сами себя не вычистят.

Человек расслабленно прислонился к дверному косяку, мышцы на сложенных на груди руках выпирали еще сильнее.

– Да, но они и не бесятся, если заставлять их ждать.

Я вздохнула.

– Остальной гриве придется подождать, – сказала я, положив руку на шею Итагая. – Но не думай, что так легко отделался. Неприлично ходить с запекшейся кровью и колтунами, знаешь ли.

Левантиец усмехнулся, став похожим на зеленого седельного мальчишку.

– Ну, не знаю, он выглядит довольно лихо, – сказал он, но, когда я обернулась, оказалось, что он смотрит на меня.

– Как тебя зовут?

– Ясс эн'Окча, капитан, – ответил он, сложив кулаки в приветствии.

– Ты очень занят, Ясс эн'Окча?

Его брови поднялись к короткой поросли волос, уголок рта дрогнул.

– Капитан рода Яровен нуждается во мне?

Я сунула ему щетку.

– Его зовут Итагай. Если тянуть слишком сильно, он укусит. Я скоро вернусь.

– Итагай?

Я закатила глаза.

– Моя мать любила истории путешественников и почти каждый вечер рассказывала мне о драконе Итагае. Это не так уж странно.

Ясс рассмеялся, и я позавидовала его беспечному смеху.

– Как скажешь, капитан.

– И ты останешься здесь, пока я не вернусь?

Он ухмыльнулся еще шире.

– Это я могу.

Он смотрел мне прямо в глаза, пока я не прошмыгнула мимо него в темноту. Дверь конюшни закрылась, но я будто утащила за собой его часть, его присутствие ощущалось физически. Всего лишь мускулистая фигура и заинтересованная улыбка, и вот я уже хочу заставить Гидеона подождать еще дольше. Но я все же ушла, не оглядываясь.

Левантийцы во дворе понижали голос, когда я проходила мимо, огибая группы сидевших на камнях мужчин и женщин. Они тоже следили за мной глазами, и мне казалось, что они могут читать мои мысли, видеть рваные, кровоточащие края моей души.

По пути к особняку я миновала обломки какого-то осадного оружия, состоявшего из блоков, веревок и растрескавшихся рычагов. Рассыпанные повсюду останки войны напоминали не только о том, как далеко мы зашли, но и о том, сколько еще предстоит пройти.

Поместье, в котором мы остановились на ночь, вероятно, принадлежало какому-то кисианскому вельможе. В нем были конюшни, сады, толстые стены и возделанные поля, и так много комнат в доме, что он напоминал лабиринт. Всем капитанам выделили комнаты внутри, но я сбежала из душных коридоров, как только смогла, предпочитая открытое небо толстым черным балкам. Они выглядели тяжелыми, как и черепичная крыша. Достаточно тяжелыми, чтобы раздавить меня, если упадут.

Я прошла мимо двух Клинков Намалака, стоявших на лестнице. Алый шелк поверх доспехов будто покрывал их кровью.

– Капитан Дишива, – поприветствовал меня один из них.

Я кивнула, не рискуя заговорить, поскольку вряд ли они разделяли мое мнение об их новом наряде.

Внутри меня встретил длинный, залитый светом ламп коридор, где с каждой стены таращились портреты спесивых кисианцев. Мне хотелось вырвать им глаза, но Гидеон много раз говорил, что кисианцы не чета чилтейцам и нам не враги. Они теперь наш народ, наши подданные, и их следует уважать. Конечно, до тех пор, пока они преданы своему новому императору. Как и всегда, он был прав. Мне просто это не нравилось.

На пути к комнатам Гидеона я проходила мимо других левантийцев, одетых как кисианские гвардейцы. Я превосходила рангом их всех, но ни один не поприветствовал меня. Там не было ни других капитанов, ни их заместителей, ни охотников, ни конюхов, ни целителей, только жадные до славы и привилегий Клинки, и я злобно зыркала на каждого. Двое у резных дверей покоев Гидеона даже заступили мне путь, скрестив на груди руки.

– Кто желает получить аудиенцию его величества?

Я выпрямилась.

– Я капитан Дишива э'Яровен, а вы убирайтесь с дороги.

– Мы тебе не подчиняемся.

– Кто вы? Кто ваш капитан? Я расскажу ему о вашем неподобающем поведении.

Один из них осклабился, отчего шрам над верхней губой скривился в странное подобие улыбки.

– У нас больше нет капитанов. Мы служим только его императорскому величеству.

Я сжала кулаки и процедила сквозь зубы:

– Что ж, его императорское величество послал за мной, так что убирайтесь с дороги сами или я вас заставлю.

Обе сабли висели на левом бедре, но я тронула кинжал, оценивая слабые места в их новых доспехах.

Раньше, чем они успели ответить, дверь открылась, и стражи расступились, чтобы пропустить низенького кисианца в белом одеянии. Он низко поклонился и что-то пробормотал на их чудном языке, жестом приглашая меня войти. Оба наглых Клинки держались расслабленно, но мое сердце колотилось от гнева, и я не могла сделать ни шагу.

Маленький кисианец скривился и отчаянно замахал мне рукой. Изнутри доносился гул голосов, звон тарелок и шорох шелка, хотя комната казалась пустой.

Собравшись с духом, я вошла в большую, сильно пахнущую благовониями комнату.

– Капитан Диш... – начал кисианец. – Капитан Дишава Яр...

– Дишава, – поправила я. – Капитан Дишава э'Яровен.

Коротышка тихонько повторил это, практикуясь, но от его незаконченного объявления гул разговоров уже стих. Из соседней комнаты слышались шаги, и через тонкие бумажные двери вошел Гидеон.

– А, капитан Дишава, – улыбнулся он. – Ты-то мне и нужна.

Я остановилась посреди камышовой циновки и первый раз в жизни поморщилась от мысли, что могла натоптать на ней лошадиным дерьмом. Не поднимая глаз, я жестом поприветствовала нового императора. Он тоже нацепил кисианский шелковый плащ, свисавший с его плеч как запятнанный кровью флаг. Изящно вышитый, отделанный золотой нитью флаг.

Я молчала, и Гидеон вопросительно поднял брови.

– Все в порядке, капитан?

За бумажными экранами двигались тени. Маленький кисианец исчез, но незнакомая обстановка давила на меня. Бледные пятна на полу и стенах говорили о том, что часть мебели вынесли, но от декоративных ваз, экранов, статуй и ламп было нечем дышать.

– Да, гуртовщик. Мне просто неуютно в таком окружении.

– А, – поморщился он. – Надеюсь, ты привыкнешь, потому что у меня для тебя задание.

Он призывал к себе каждого капитана и ставил новую цель. Я знала, что придет и мое время, и страшилась этого. Но, несмотря на мои страхи, это был мой народ, а Гидеон – мой гуртовщик. Я выпрямилась.

– Что я должна сделать, гуртовщик?

– Я хочу, чтобы ты и твои Клинки отвечали за мою охрану и охрану моей жены. Я...

– Жены? Но ты же Клинок Торинов. Тебе не позволено жениться.

Гидеон поднял брови, и от его недолгой паузы я залилась краской стыда.

– Я был Клинком Торинов, – сказал он, – а теперь я император Левантийской Кисии. И если хочу оставаться им достаточно долго, чтобы построить нам новый дом, то должен жениться на кисианке. Нам не хватит Клинков, чтобы удерживать эти земли силой, поэтому нужна дипломатия.

Новый дом. Он называл наши степи отравленными, больными, зараженными неким злом, проникавшим в умы и сердца наших предводителей и обращавшим их против нас, но, хотя я видела все собственными глазами, это не могло унять тоску. Кисия, с ее густыми зелеными лесами, влажным воздухом, единственной луной и незнакомой пищей, не могла заменить степи.

– Ты ведь тоже этого желаешь? – спросил Гидеон, когда я ничего не ответила.

Он умолчал о том, что не мог рисковать и оставить капитаном того, кто не верит в его замысел. Рах был тому подтверждением.

– Нам нужен безопасный дом, – продолжил он. – Нам нужно выжить. Приспособиться. У себя дома мы вымираем, Дишава, вымираем. Наш образ жизни, наш народ, наша честь – все, что сделало нас великими, станет нашей погибелью, если мы не сможем измениться.

И снова смутное ощущение присутствия Раха. Несгибаемого и не желающего меняться.

Гидеон зашагал по комнате, под тяжелой поступью потрескивали камыши. На менее высоком человеке его шелковый плащ тащился бы по полу, но на нем он беспокойным морем плескался у лодыжек.

– Нам придется сражаться за новую родину, иначе для нас не останется места в этом мире. Иначе левантийцы станут воспоминанием, наши рощи превратятся в пыль, а боги будут забыты. – Он развернулся ко мне, сжав руки за спиной так, что рукояти сабель на бедрах стали еще заметнее. – Скажи, могу ли я рассчитывать на тебя? Хочешь ли ты сражаться за будущее, в котором наш образ жизни будет сохранен и продолжится, а не сгинет на ветру перемен? Если не можешь, я выберу кого-нибудь другого.

Он обладал завораживающей манерой речи, бравшей за душу и сжимавшей сердце, и в порыве чувств я сложила кулаки в приветствии.

– Я с тобой, гуртовщик. Для меня и моих Клинков будет честью защищать тебя.

– И госпожу Сичи. Она просила женскую стражу, а я доверяю тебе более всех остальных.

– Это честь для меня. Однако, не в обиду тебе, гуртовщик, я думала, что мы ищем императрицу Мико, чтобы ты мог на ней жениться. Возможно, я просто не поняла, как устроено их общество.

– Нет, все верно, но... – Он остановился и кивком подозвал меня ближе. Молчание только подчеркнуло, что за дверью ведется разговор на чужом языке.

Вблизи его дыхание пахло вином, под глазами залегли темные круги.

– Брак с Сичи Мансин – это фундамент, на котором построен мой союз с кирианцами. Мы получаем нашу империю, они получают нас, а через семейные связи госпожи Сичи – могущество, которого лишил их император Кин. Поэтому так важно, чтобы ты охраняла ее.

– Она желает этого брака?

– Да.

Я кивнула, и он отошел назад.

– Их общество древнее и сложно устроенное, оно основано на постоянно смещающемся балансе сил и фамильной чести. За несколько дней понять его невозможно. Но мы должны уважать их традиции, если хотим, чтобы они уважали нас.

– А императрица Мико?

– На нее у нас другие планы.

Он говорил небрежно, но зловещие слова предвещали пропавшей императрице недоброе.

– Завтра мы выезжаем в Когахейру, – сказал он. – Там мы пробудем какое-то время, строя планы на будущее. Тебе и твоим Клинкам выдадут имперские мундиры моей личной гвардии. Ты дашь мне Клинков, но сама поскачешь с госпожой Сичи, ее охрана – твоя главная задача.

Я совсем не жаждала охранять утонченную кирианскую даму, но в присутствии Гидеона вера в наше дело вспыхнула с новой силой. Он провел нас сквозь чилтейское вторжение, освободил от оков, верил в наши возможности и в то, чего мы заслуживаем, и на какое-то время мой голос сковали эмоции, я не могла говорить, лишь подняла кулаки в приветственном жесте и склонила голову.

Гидеон положил руку мне на плечо, и от ее мягкой, дружеской тяжести я едва не расплакалась. Я даже толком не понимала, о чем эти слезы, но они все равно давили на глаза и сжимали горло.

– Это был трудный для нас путь, – сказал он. – И я не могу обещать, что не станет еще труднее, но обещаю, что буду сражаться за наш народ и наше право существовать в этом мире, до последнего дыхания и капли крови. – Он сжал мое плечо. – Легко лишь лечь и умереть, но левантийцы так не поступают.

– Да, – выдавила я. – Левантийцы так не поступают.

Пока я боролась с комком в горле, он снял руку с моего плеча. Его мягкие манеры в столь полной мере воплощали старейшину гурта, что меня снова окатило тоской по дому, который мы потеряли.

– Дай знать, если тебе что-нибудь понадобится, капитан. Будучи императором, мне приходится изображать для кирианцев властную отчужденность, но я все еще твой гуртовщик.

Он отпустил меня, больше ничего не сказав, и я ушла, чувствуя одновременно новый прилив рвения и боль. Как бы я ни старалась закопать страдания поглубже, убить воспоминания, они всегда сидели прямо под кожей, так близко, что могли вылиться наружу от любой царапины.

Во дворе меня встретил раскат грома. Я думала, что не может быть ничего хуже полумрака в особняке, но нарастающая влажность не давала дышать. Над воротами ударила молния, Клинки переговаривались и ворчали о приближающейся буре.

Ясс эн'Окча ждал меня в стойле Итагая. Встреча с Гидеоном отвлекла меня, и я совсем забыла о Яссе, но, не желая оставаться наедине с прилипчивыми воспоминаниями, похвалила себя за дальновидность.

Ясс закончил расчесывать гриву Итагая и перешел к хвосту, добавив к списку своих достоинств, пока состоявших из сильных плеч и лукавой улыбки, еще и прилежание. Он посмотрел на меня через то самое плечо и одарил той самой улыбкой.

– О, мой капитан вернулся!

– Я не твой капитан. Если ты Первый Клинок, то твой капитан – Тага.

– И прекрасный капитан, но она никогда не доверяла мне чистить своего коня. А он норовистый, твой мальчик, – добавил он, похлопывая Итагая по крупу. – Сроду не видел, чтобы конь выглядел так высокомерно. Кажется, ему не понравились мои истории.

– Ты рассказывал ему истории?

– Почему бы и нет? Надо же было как-то убить время. – Ясс положил щетку на мою седельную сумку. – Могу я что-нибудь еще для тебя сделать, капитан?

Я вошла внутрь, и дверь конюшни закрылась за мной. Улыбка Ясса стала еще шире.

– Здесь? – спросил он, взглянув на кучу соломы в самом дальнем от копыт Итагая углу.

– Здесь, – согласилась я, начав расстегивать ремень. Пальцы дрожали, и я понадеялась, что он не заметит.

Сабли упали на пол, и Ясс подошел ближе, коснулся своими губами моих. Я отвернулась, страх тысячей игл вонзился под кожу.

– Нет. Не это.

Он замер на мгновение, но усмехнулся, взял мою руку и прижал к твердому выступу между ног.

– Значит, только это? – хрипло спросил он.

– Только это. – Я убрала руку. Его мягкость вскрывала мой панцирь так же, как мягкость Гидеона. – Я слишком плохо тебя знаю, чтобы хотеть чего-то еще.

Ясс пожал плечами и стянул штаны, и, решительно настроенная не уступать ему в уверенности, я стала стаскивать свои. Они липли к потной коже, но я все же умудрилась высвободиться, не упав. Он наблюдал за мной с недрогнувшей улыбкой. Одобрительной. Может, даже удивленной, и слишком интимной, наполнившей меня желанием сбежать. Лишь присутствие Итагая и беспокойный стук его копыт умили поднимающуюся во мне панику.

Я толкнула Ясса на солому, и он повалился со смехом. Свободная, легкая радость в этом звуке заставила меня метнуться взглядом к двери. Никто из тех, других, так не смеялся. Никто так не улыбался. Они просто хотели меня оседлать.

Не желая позволить страху победить, я опустилась на Ясса. Он со стоном проник в меня, ладони скользнули к моей груди. Он тяжело дышал, смеялся и извивался подо мной, но я лишь сжимала зубы, пользуясь всей полнотой власти над этим мужчиной, так радостно отда-

вавшимся мне. И стараясь не смотреть на него, не ощущать его запах, не целовать и не трогать. Ясс продержался не так долго, как остальные, и этим только больше мне понравился. В конце с нас обоих все равно лился пот.

– Нефер говорил, что ты дикая, – сказал Ясс, утирая пот со лба и ухмыляясь. – Можешь приказывать мне в любой день.

Я искала в седельной сумке какую-нибудь тряпку, но рывком развернулась, будто от пощечины.

– Что? Нефер тебе рассказал?

– Ага, а когда Амсу сказал, что ты скакала и на нем, я ухватился за возможность передать тебе сообщение от гуртовщика. Решил, что тоже должен доставить тебе удовольствие.

Мое лицо залилось краской.

– Решил исполнить долг? – Я швырнула в него штанами. – Убирайся отсюда и скажи своим друзьям, чтобы не подходили ко мне.

Улыбка исчезла с его лица.

– Что? Я не хотел... Эй! – Он поднял руки, чтобы рукояти его клинков не попали в голову, а я, до сих пор обнаженная ниже талии, вынула свою саблю из ножен. – Эй, эй, полегче!

Я поднесла клинок к его опавшему члену.

– Я вам не трофей. Я не шутка. Я не байка, которую можно рассказывать друзьям, чтобы они тоже могли меня трахнуть. Я – капитан рода Яровен и отрежу тебе яйца, если будешь говорить обо мне с неуважением, как о животном.

Пятясь от клинка, он скользил голыми ногами по усыпанному соломой полу.

– Эй! Стой! Я не говорил... Я просто... Да убери эту хреновину от меня! Ты рехнулась?

Зажатый в углу Ясс выставил руку, чтобы защититься от моего клинка, а другой рукой прижимал к себе штаны, прикрывая наготу. От страха его глаза распахнулись, и мой гнев отступил, как отлив. Вот она я, капитан Клинков могущественного рода Яровен, обнажила клинок на другого левантийца в конюшне вдали от дома, воспоминания о котором болью отдавались внутри. Даже Итагай фыркал и беспокоился, вороша копытами свежее сено.

Моя рука дрожала. Я обнажила клинок, и он должен напиться крови, прежде чем снова упокоится в ножнах, но человек передо мной не заслуживал такого гнева. А те чилтейцы, что заслуживали, уже мертвы.

Взяв саблю за лезвие левой рукой, я развернула ее рукоятью вперед.

– Я позволила гневу взять над собой верх. Ты вправе ударить.

Ясс прищурился, прежде чем взять предложенный клинок. Я хотела вытереться и одеться, но стояла, опустив руки, и ждала, когда он пустит мне кровь. Рука? Горло? Он мог бы и убить, если я задела его гордость так же сильно, как он мою.

Сабля повисла между нами, а затем, продолжая смотреть мне в глаза, Ясс взял ее и провел острым краем по своему предплечью. Потекла тонкая струйка крови, но он не проронил ни звука и не попытался ее остановить. Он протянул клинок мне.

– Прости. Я не хотел тебя оскорбить, капитан. – Он оперся о стену, натянул штаны и сапоги. Я не шевелилась. – Капитан Дишава, – сказал он, сжав кулаки в приветствии. Погладив Итагая, он проскользнул мимо меня в ночь.

Хлопок закрывшейся двери заставил меня поспешно одеться. Щеки горели, голову наполняли угрызения совести. О чем я только думала? Обнажила клинок на левантийца. И в такой ситуации.

– О боги! – Я закрыла лицо руками. – Что я наделала?

Итагай не издавал ни звука, только смотрел, как я беснуюсь.

– Я дура, Итагай. Просто дура. Ну какой из меня капитан?

Донесшийся со двора крик прервал мои причитания. За ним последовал другой и топот бегущих ног. Схватив ремень, я вылетела в дверь, застегиваясь на ходу. Волна всеобщего возбуждения неслась к воротам.

– Что случилось? – спросила я, заметив капитана Менесора э’Кару вместе с его заместителем, хмурой женщиной, имя которой не смогла припомнить.

– Кто-то у ворот, – ответила она.

– Кто-то должен сообщить гурт... – Капитан Менесор оборвал себя на полуслове, нахмурившись еще сильнее своего заместителя. – Кто-то должен сообщить его величеству. Джейша, пошли кого-нибудь или пойди сама, если...

– Уверена, что наши новые друзья с этим справятся, капитан. – Она указала на кирианцев в сторожевой башне. – Если это враги, я предпочла бы остаться.

Мы подошли к толпе левантийцев – они обеспокоенно вытягивали шеи, держа руки на рукоятках клинков. Шепот походил на шорох зыбучих песков. Однако враг не появлялся. Оставив Менесора и Джейшу, я пробралась сквозь толпу к страже у ворот. Кто-то ругался мне вслед, но большинство безропотно позволяло пройти. Какие бы догмы ни пришлось нам нарушить ради того, чтобы выжить, уважение к капитанам оставалось незыблемым.

Внутри закрытых ворот я обнаружила Лашак э’Намалаку, разговаривающую с капитанами родов Шет и Охт, а также своего Первого Клинки, капитана Атума э’Яровена. Капитан Тага эн’Окча тоже была здесь, и, вспомнив про Ясса, я не могла посмотреть ей в глаза.

– Что происходит? – поприветствовала я капитана Атума. – Говорят, что враги у ворот. Он коротко рассмеялся.

– Враги? Нет, не враги. Враг.

Я уставилась на него – понимание, похоже, где-то заблудилось по пути ко мне.

– Боюсь, я не совсем поняла, капитан. Враг? Там... там, за воротами, один человек?

– Так говорят дозорные. – Он указал на левантийцев, стоявших вместе с кирианцами на сторожевой башне. Стены поместья были не слишком высокие, но толстые и крепкие, и вполне могли пережить нападение одного врага.

– Мы так взволновались из-за одного человека?

Капитан Тага рассмеялась так же невесело, как и капитан Атум.

– Нас волнует не количество врагов.

– А что же тогда?

– Дорогу его величеству!

Позади нас поднялись крики, и толпа расступилась, шаркая сапогами по камню. Подошел Гидеон в сопровождении двух Клинок в имперских плащах. Тот самый старый низенький кирианец тоже был с ними, он сутулился, будто пытаясь стать невидимым. Я посочувствовала тому, в какое положение поставили его жестокие повороты судьбы.

– Откройте ворота, – приказал Гидеон, его великолепный шелковый плащ развевался так далеко за спиной, что сейчас он больше походил на того левантийского капитана, за которым мы последовали в эти чужие земли.

– Ты уверен, гуртовщик? – спросила капитан Тага, поглаживая оперение стрелы. Мы можем просто сделать из него ежа.

– Нет. Откройте ворота.

Капитан Атум, никогда не поручавший другим то, что мог сделать сам, вышел вперед. Другой человек оглянулся бы посмотреть, не передумал ли его гуртовщик, но только не Атум. Он поднял засов и с грохотом бросил его на землю. Вдалеке эхом прогремел гром, но никто не говорил и не шевелился. Клинки у ворот напряглись, готовясь к бою.

Атум взялся за одну створку, Тага за другую, и вместе они потянули их, кряхтя от натуги. Между створками показался кусочек ночи, становясь все шире. В проеме стояла одинокая фигура. Тень в ночи.

Вокруг зашептались. Глаза метались от Гидеона к вновь пришедшему и обратно, но никто не шевелился, пока ворота со стуком полностью не открылись. Человек подошел. Медленно, спокойно, уверенный в том, что его хорошо примут. Он остановился в нескольких шагах от Гидеона. Бледная рука откинула капюшон.

Посреди собирающейся бури стоял Лео Виллиус. Те же волосы. Те же глаза. Та же улыбка. Даже льняная маска, висевшая на шее, казалась той самой, которую мы сожгли. Только без шрама на перерезанном нами горле. И отрезанные губы, и выколотые глаза были на месте – глаза, посмотревшие на меня, на Тагу и Атума, а потом на толпу, прежде чем тяжелым, как сотня голов, взглядом остановиться на Гидеоне.

– Добрый вечер, ваше величество.

Глава 3

Кассандра

Эта сука непрерывно пялилась на меня. Никакие красоты пейзажа не привлекали ее внимания. Она не обращала внимания ни на шум снаружи, ни на тряску нашего экипажа. И когда день обратился в ночь, взгляд ее странного цвета глаз продолжал вгрызаться мне в плоть.

– Прекрати, – сказала я ей. Никакого толку. Я пыталась ругаться, обливала ее долгими потоками цветистых проклятий, почерпнутых в плавильном котле женовского порта, но она смотрела еще пристальнее. Пусть и молчала, но понимала прекрасно. И теперь не отвела взгляд. Я с тяжелым вздохом закатила глаза. – Прекрати таращиться на меня. Прошу тебя.

Ее губы чуть изогнулись в улыбке, а внимание обратилось на обмякшую фигуру императрицы Ханы Ц'ай рядом со мной. Минут десять отдохнуть от обжигающего взгляда лиловых глаз – ради этого стоило вежливо попросить.

«А она неплохо тебя дрессирует, Кассандра, – произнесла Она в моей голове, в первый раз с тех пор, как мы снова вернулись в карету. На последней стоянке императрица Хана не приходила в сознание, но Знахарь все равно проверял ее, совершенно не обращая внимания на мое присутствие – приложил ладонь к ее лбу и горлу, потрогал пальцы. – Может, мне давно стоило научить тебя вежливости».

– Не сработало бы, – проворчала я.

Взгляд лиловых глаз опять обратился ко мне, девушка склонила голову набок, рассматривая меня, как некую диковину.

– Я не с тобой разговаривала.

Она не отвела глаз.

– Ее императорское величество куда интересней меня. Смотри, у нее посинели губы от той дряни, которую твой богочеловек запихал ей в глотку, и волосы совсем растрепались.

Ни слова в ответ. Ни движения.

Я стала смотреть в окошко на бегущую мимо ночь, но с ночью проблема в том, что там смотреть-то и не на что. Какое-то время еще мелькали под лунным светом поля, деревни, даже отблески на воде. А теперь ничего, одна темнота. Останавливались мы, только чтобы есть, пить и менять лошадей, путешествие слишком напоминало наш с Лео путь в Кисию. Тогда я казалась себе такой умной, зная, что он пытается сбежать от меня же.

За окном полыхнула молния, но с другой стороны была только тьма. Вероятно, девушка тоже это отметила и, прикрыв фонарь внутри кареты, выглянула в окно. Императрица Хана сопела, как спящий медведь. Вспышка огромной зазубренной молнии снова прорезала небо и исчезла за лесом, оставив полосу света в моих глазах.

«Кажется, мы все-таки увидим дожди», – сказала Она.

«Не уверена, что это к добру».

«И уж точно не к добру для войск, если они еще не взяли Мейлян».

Я кивнула в молчаливом согласии. Девушка открыла фонарь, и тесное пространство снова озарилось рассеянным светом. Она закрыла глаза и прижалась носом к толстому стеклу окошка. Это было самое любопытное проявление жизни из тех, что она выказывала, но, удовлетворившись или нет, она вскоре снова выпрямилась, глядя в никуда.

Неужели боится дождей? Опасается, что они нанесут свой удар раньше, чем доберемся до места? Это значило, что впереди еще долгий путь. Есть время для побега.

«Убежать отсюда? – спросила Она, прочтя мои мысли. – Мы же хотели здесь оказаться. Ты сама хотела».

«Я ни разу не просила продавать меня в рабство. А кто знает, как он будет меня мучить?»

«Разумеется, – согласилась Она. – Например, накормит тебя, проверит твоё здоровье и...»

«Да, как собственное животное».

Ответа у Нее не нашлось, я прислонилась к стенке кареты и попробовала задремать. Я не спала весь тот день и ночь, но теперь не могла уснуть, только слушала шорох дождя. Внизу подо мной грохотали колеса, далеким громом слышался стук копыт, но изнутри раздавалось лишь негромкое сопение спящей императрицы. Потом послышался шорох переворачиваемых страниц. Я повернула голову так, чтобы сквозь полуприкрытые веки наблюдать за девушкой. Она держала на коленях раскрытую книгу, на переплете блестело золото. У многих богачей Женавы имелись переплетенные книги, но, посещая с той или иной целью такие дома, я ни разу не видела украшенных золотом. Должно быть, важная книга.

Мне удалось задремать. Казалось, совсем ненадолго, но когда я снова открыла глаза, карету заливал свет. Не особенно яркий, скорее слабый и водянистый, как в туманное зимнее утро. После короткого сна у меня болели глаза, а тереть их было все равно что втирать песок в открытые раны.

– Проклятье, – простонала я, закидывая связанные руки, чтобы прикрыть глаза.

«Касс».

– Отстань.

«Нет! Слушай, Касс!»

Тревожные нотки в ее голосе заставили меня затаить дыхание и прислушаться. Колеса экипажа, лошади, тихий шорох в дальнем углу и...

Дождь.

Я села, хлопая глазами. Императрица не спала, но и на меня не смотрела, как и девушка на противоположном сиденье. Она глядела в окно на потоки воды, которые рассекали воздух, заслоняя обзор, словно тысячи роящихся насекомых.

Они скроют и меня, когда я побегу прочь отсюда.

«Нет, не делай этого, Касс, прошу тебя!»

– Мне нужно помочиться.

Девушка огляделась. То же самое сделала и ее императорское величество, я постаралась не встретиться с ее презрительным взглядом. Женщина с лиловыми глазами ничего не сказала, но нетрудно было понять, отчего она хмурится.

– Да, я вижу, что дождь, – продолжила я. – Но либо ты останавливаешь экипаж, и я помочусь снаружи, либо я это сделаю прямо здесь.

Молодая женщина молча смотрела на меня, пока я, вздернув брови, не спросила:

– Ну и? Жизнь на улице научила меня не стесняться.

Отвращение быстрой вспышкой оживило ее лицо, и, поморщив нос, она с силой постучала в крышу кареты. Стук едва был слышен сквозь дождь, но снаружи раздался крик, и карета резко остановилась. Мужчина распахнул дверцу и остался стоять под дождем, заливавшим низко спущенный капюшон плаща. Позади него мрачным контуром вырисовывался Знахарь верхом на лошади.

– В чем дело? – произнес он.

Дождь стекал по его лицу, голова была непокрыта, но его, казалось, это не беспокоило.

– Мне нужно помочиться, – сказала я и встала со своего места, не дожидаясь ответа. Скрючившись пополам, я протиснулась мимо торчащих колен императрицы Кисии и вышла в бурю. Тяжелые крупные капли били как камни, и за секунду я промокла до нитки. В Чилтее нам знакомы бури, и я часто удивлялась тому, что многие торговцы так боятся кирианских ливней, но ни одна буря, обрушивавшаяся на Женаву, никогда не оставляла синяков.

Дверца экипажа закрылась, и равнодушный к дождю Знахарь указал мне в сторону смутно видневшихся зарослей.

– От какого-нибудь жилья мы сейчас чересчур далеко. Очень жаль, что твой мочевого пузырь переполнился – теперь будешь мокрой до конца поездки.

Оглушенная ливнем, который сбивал меня с ног, я лишь молча смотрела на Знахаря. А он смотрел на меня, и черты его совершенного лица были абсолютно бесстрастны.

– Не идешь? – спросил он, отбрасывая со лба прядь мокрых волос. – Можешь облегчиться прямо здесь, если пожелаешь. Мне безразлично.

Идти я не жаждала, но яростный ливень усиливал нужду в десять раз, и я решилась.

– Деревья сгодятся.

Я хотела было попросить его развязать мне руки, но это могло лишь заставить его насторожиться и подумать о моей подлинной цели, и потому поплелась мимо Знахаря в проливной дождь. Как будто плыла по воде, с усилием хватая воздух.

Я сделала шаг с дороги, и ноги увязли в луже, башмаки теперь хлюпали при каждом шаге. Конечно, Знахарь смотрел мне вслед, и я не смела не только оглядываться, а даже и думать чересчур громко, пока не добрела до деревьев.

Он тоже последовал за мной недалеко в лес и наблюдал, как я выбираю подходящее дерево.

– Эй, ты можешь оставить меня на минутку? – крикнула я, вцепившись связанными руками в штаны. – Трудно писать, когда кто-то смотрит.

Богopodobный не ответил, но коня развернул и скрылся из вида. Темный хвост коня исчез с последним взмахом, после этого я отсчитала три долгих секунды. А потом вынула из штанов руки и побежала. Ноги расплзались на скользком суглинке, но я бежала через лес все дальше, не заботясь о направлении, раздирая кусты на пути и ломая ветки.

Отчаяние придавало силы утомленному телу, но пропасть в лесу все равно было лучше, чем остаться в плену у Знахаря. Как случилось, что я бегу по западной Кисии от какого-то сумасшедшего?

«Нам с тобой нужна помощь, Кассандра!»

На вершине холма я увидела мертвое дерево с огромным дуплом и свернула к нему, утопая ногами в размокшей грязи на склоне. Если я помещусь внутри, может быть, удастся спрятаться, переждать...

Внезапно ногу пронзила боль, и перехватило дыхание. Я качнулась назад, утратила равновесие и катилась по склону вниз до тех пор, пока боль в голове и заднице не сравнялась с болью в лодыжке. Стиснув зубы, я с глухим шипением ощупала ногу – из лодыжки торчало древко стрелы.

– Проклятье!

Я попробовала подняться, но ступни скользили, а стрела при каждом движении дергалась. Я с такой силой стиснула зубы, что в ушах загремело громом.

Впереди мелькнуло что-то движущееся. Сидя на лошади, Знахарь молча меня рассматривал. В руке он держал лук.

– Кажется, я давно не практиковался в стрельбе, – ровным тоном заметил он.

– Ты мне только что проткнул ногу стрелой, проклятый кусок... – я со стоном прервалась, попытавшись встать. Голова кружилась.

– Если ты не хотела, чтобы на тебя охотились, нечего было бежать, словно дикий зверь. Попытаешься еще или удовлетворишься тем, что попробовала один раз? Продолжать, как мне кажется, будет больно и утомительно, но у многих людей упрямство перевешивает инстинкт самосохранения.

Я смотрела на человека, назвавшегося богом, говорившего, как напыщенный воспитатель, и не обращающего внимания на дождь, и надежда вырваться на свободу покидала меня. Теперь я могу разве что ковылять, а у этого человека еще много стрел. Он – стена, о которую я могла биться до потери сознания, бесконечное море без берегов. Тем не менее он меня

не убил. Не ударил. Вообще не тронул. Он хотел, чтобы я осталась целой и невредимой, и от этого больше, чем от всего остального, меня до костей пробирал озноб.

Оставалась одна надежда – найти свежий труп, и тогда Она...

«Касс, он называл тебя Ходячей смертью в разговоре с иеромонахом. Он знает».

Я смотрела в эти почти немигающие глаза, тускло-серые, но острые, как стекло.

«Он способен меня видеть, Касс».

«Но я не могу позволить ему просто так затащить меня обратно в карету. Я должна попытаться, должна...»

«Ты сама бралась за работу, лишь бы только добраться до Знахаря. Ты хотела освободиться. Разница только в том, что теперь я этого тоже хочу. Не заставляй меня с тобой драться».

Да уж, свобода.

«Ты действительно думаешь, что шанс есть?» – сказала я ей.

«Да. Надеюсь».

– С меня хватит, – произнесла я, заставляя себя улыбаться более вызывающе и уверенно, чем чувствовала. – Но ты прав. Оттого, что я попыталась, мне легче. – Я указала на стрелу: – Как еще я могла бы испытать подобное удовольствие?

Знахарь направил свою лошадь ко мне. Намерения были ясны, хотя, если он ждет, что я полезу на спину его лошади со связанными руками и торчащей в ногу стрелой, от меня получит только поток ругательств. Однако, вместо того чтобы приказывать лезть наверх, он убрал лук, склонился ко мне и, схватив за рубаху, поднял, как щенка. Ворот врезался в горло, рукава больно впились в подмышки, а Знахарь дал мне пару секунд повисеть и бросил перед собой. Прежде чем я успела возмутиться таким недостойным обращением, он прищипорил лошадь, и стрела начала подпрыгивать при каждом шаге.

Едва мы выехали из-под защитного покрова деревьев, как на нас опять со всей силой обрушился дождь. На дороге ожидала карета, с конских грив и опущенного капюшона возницы лилась вода. Для быков, тащивших крытую повозку вслед за каретой, ноша полегчала без тяжелого деревянного ящика, на который меня обменял иеромонах.

Вместо того чтобы вернуть меня к дверце экипажа, Знахарь направил лошадь к задней части крытой повозки.

– Кочо, – окликнул он. – Вот тебе компаньон.

Никакого ответа, лишь тяжелая барабанная дробь ливня. Если продержаться под этим дождем подольше, он, наверное, прорежет в моей плоти овраги, словно точащие камень реки.

– Кочо.

Повозка качнулась, полотняная завеса раздвинулась. Показалось лицо старика, вроде бы кирианца, его кожа напоминала старый башмак.

– Хозяин?

Знахарь снова ухватил меня за рубаху и поднял с седла. Мне хотелось пнуть его, крикнуть, показать, что я ему не ребенок и не собака. Но прежде чем я успела придумать что-нибудь умное, он уже меня кинул, втолкнув в провал между шторками, и я вскрикнула, шлепнувшись на дощатый пол. Деревянный конец стрелы обломился, острое еще глубже вонзилось в ногу. Свет и тени слились, и я судорожно втянула воздух.

Телега со скрежетом покатила вперед, шелест бумаги перемешался со стуком дождя.

– Вот проклятый дождь, – проворчал старик. – А теперь еще ты, натащила воды и крови.

– Я не собиралась сюда все это тащить, – огрызнулась я, когда боль притихла настолько, что я смогла говорить. – Отпусти меня, и я уйду. Заберу с собой и лужи воды, и кровь.

– Я тебя не держу.

Я приподнялась на локтях. Он сидел за маленьким столиком с той стороны, где возница. Перед ним громоздилась куча бумаг. Сверху на крюке качался фонарь, прицепленный к каркасу повозки. И ничто – совершенно ничто – не стояло между мной и свободой. Когда телега

кренилась, шторы раскачивались, позволяя мельком видеть в бледном свете луны остающуюся позади дорогу.

– У тебя здесь тоже припрятан лук?

– Нет, – сказал старик. – Никогда особенно не умел обращаться с такими штуками.

Он перекладывал свои свитки и бумаги подальше от меня и от моих луж и не поднимал взгляд.

– Тогда что ты будешь делать, если я попробую убежать? – спросила я. – Просто звать того богочеловека?

– Я бы мог, но мне незачем себя утруждать. Он и так тебя слышит. Проклятье, куда же я положил Боэзия?

– Слышит? Сквозь такой дождь?

– Ты сама попробуй, если не веришь.

Я надолго засмотрелась на льющийся дождь через щель между шторами. Разумеется, он меня не услышит, что бы ни говорил старик. Если вывалиться на дорогу и найти канаву, где спрятаться, то мне даже и бежать не придется.

– Слушай, – прервал мои мысли старик. – Собралась бежать, так беги. Нечего раздумывать попусту, только раздражаешь своим шумом.

– Тогда помоги мне сбежать.

– Нет.

– Почему? Я могу прикончить тебя одним пинком.

– Какой ногой? Где стрела или той, что без?

Он закончил складывать свои свитки, взял перо, чистый лист и начал царапать что-то на кисианском. Говорим мы с ними на одном языке, но я не понимала ни единого знака их письменности.

Я опять перевела взгляд на дыру.

«Мы застряли здесь, Касс. Смирись. Может, это и к лучшему».

– Вот, послушай свою подругу, – сказал старик. – Она умнее тебя.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что твоя компаньонка умнее тебя. Если б ты ее больше слушала, может, и не валялась бы вся в крови рядом с моими бумагами.

– Что за компаньонка?

Продолжая писать, он свободной рукой постучал по своей голове.

Я напряглась как натянутая тетива лука.

– Откуда ты знаешь?

Старик протянул руку, из короткого рукава выглянуло запястье. В тусклом свете фонаря я увидела красноватый знак – изгибающаяся змеей линия.

– Ты обжегся чем-то железным?

– Нет, я с этим родился.

– А что это?

– Если не знаешь, тебя ждет сюрприз.

Императрица Хана заставила меня показать запястье там, в Кое, и была удивлена, увидев, что оно чистое. Капитан Энеас тоже.

Старик снова положил руку на колени. Он, как и хозяин, заставлял меня безотчетно чувствовать себя в невыгодном положении, и не только из-за поврежденной ноги. Он знал что-то неизвестное мне, а его скупающий высокомерный тон раздражал так же, как и хозяйский.

– Почему тогда ты торчишь здесь, а не едешь в теплой сухой карете? – спросила я.

– Торчу здесь? – Он впервые оторвал взгляд от бумаг. – Я решил ехать здесь, чтобы не оставаться с тобой. А потом ты вылезла и вся промокла в воде и моче, а здоровье молодой госпожи, разумеется, куда важнее моего. Хозяин не мог допустить, чтобы она вымокла, про-

стыла и умерла, потому-то старому Кочо и приходится иметь дело с тобой. И подумать только, я едва не остался дома. Я уже становлюсь совсем старым, слишком дряхлым, чтобы разбираться с подобными приобретениями, хотя прочие в большинстве не такие грязные сквернословы. И это лишний раз доказывает, что внешнее не всегда соответствует внутреннему.

Он вернулся к своим бумагам, но слова старика меня больно задела, и я в него плюнула. Целила в лицо, но старик вспыхнул гневом, когда слюна шлепнулась на его бумагу. Я осталась вполне довольной. Не сказав ни слова, Кочо взял страницу за угол, поднял и уронил в лужу у моих ног. Дождевая вода поглотила ее, а старик обмакнул перо в чернила и начал новый лист.

«Касс, нам нужны не новые враги, а союзники».

Губы Кочо изогнулись в ухмылке, и он снова постучал рукой по голове.

«Если не можешь быть вежливой, дай мне с ним поговорить. Обещаю, что верну тебе тело, когда закончу. А ты отдохнешь от боли».

«Нет».

Я слишком хорошо помнила, каково это – быть пассажиром в собственной шкуре, и не спешила заново пережить тот опыт. Поэтому, пока Она не начала спорить, требовать или пытаться взять контроль силой, я откашлялась и извлекла из глубин личину, которой уже много недель не пользовалась – Кассандру Мариус, лучшую шлюху Женавы. Проще быть вежливой и почтительной, когда знаешь, что это игра.

– И куда же мы направляемся? – спросила я.

Уголки губ Кочо понимающе дернулись, и мне это не понравилось.

– Домой.

– А где дом? Твой хозяин, похоже, богат.

Кочо громко усмехнулся в ответ.

– И да и нет. Он ни в чем не нуждается, но это не то, что ты подразумеваешь под словом «богатый». А когда живешь в этом мире так долго, как я, понимаешь, насколько никчемны и глупы и почести, и золото. Вместо этого начинаешь мерить богатство мудростью и уважением.

Это звучало как цитата из священной книги, и потому я не стала спорить, просто сказала:

– Значит, дом не шикарный дворец. Только это не ответ на вопрос.

– Не ответ.

– И ты так и не скажешь, куда мы едем?

– Нет. Мы держим это в секрете. Слишком много людей не любят хозяина.

– Представить не могу почему.

Эта колкость пробила брешь в моем наигранном обаянии. Кочо искоса взглянул на меня.

– Он не Знахарь. Люди любят объяснять то, чего не понимают, страшными сказками.

– Он всадил в меня стрелу.

– Он же ее и вытащит. И зашьет тебя так, что даже шрам вряд ли останется – если мой хозяин и разбирается в чем-то, так это в телах. Не трогай стрелу, он все поправит, когда мы остановимся.

– А до тех пор я должна сидеть здесь и истекать кровью?

Кочо вздохнул.

– Не истечешь, если будешь сидеть смирно.

– Кто знает.

– Точно не истечешь.

– А ты разве лекарь?

– Нет. Но хозяину ты нужна, а ему нравится, когда подопытные здоровы. Так что он уже поправил бы все, если б думал, что тебе угрожает кровотечение.

Подопытные. Это мне не понравилось, и мой взгляд опять обратился к щели в задней части повозки.

«Не глупи. Сбежать не получится. И вообще, нам ведь нужен этот человек. Разве мы об этом не договаривались?»

«Нет тут никаких «мы», – огрызнулась я внутри собственной головы, содрогаясь в безмолвной ярости. – Это все твои попытки завладеть моим телом, вот что прежде всего привело нас сюда. И кто знает, что он на самом деле собирается с нами сделать».

«Все лучше, чем навечно застрять в твоей голове».

Я угрюмо глядела на скользящий по холщовой завесе свет качающегося фонаря. Это все из-за иеромонаха. Он вошел в мою жизнь, предложил мне спасение всего за одно убийство. Закончив работу, я должна была стать свободной от Нее и достаточно обеспеченной, чтобы отойти от дел. А вместо этого валяюсь раненая в телеге, все сильнее воняющей мочой. И со мной не только вечная компаньонка, но еще и ворчливый старик. В довершение всего, мы едем в никуда с богочеловеком и бессловесной сукой и нас будут колоть и резать, чтобы выяснить, как это работает, наверняка до моей смерти. По крайней мере, пока я сама не захочу умереть.

«Когда ты впадаешь в такое плаксивое настроение, то становишься ужасно тупой».

«О чем это ты?» – спросила я.

«Разве ты не слышала?»

Я закатила глаза. Терпеть не могу этот ее высокомерный тон, и Она это знает.

«Что такое, интересно, я не слышала?»

«Этот Кочо, он сказал, что ты нужна хозяину».

«Как предмет изучения».

«Да. Но зачем терпеть старую шлюху, любительницу сквернословить, готовую гадить на людей и плевать в их работу, если она не нужна? Есть же тысячи других, которых Знахарь мог подобрать. Но ему нужна ты. Нужны именно мы. Это преимущество может дать нам то, что мы хотим».

Я покосилась на Кочо. Он сказал, что мы нужны Знахарю. А еще – что его хозяин не позволит мне истечь кровью.

«Ну тогда давай проверим, какое у меня преимущество», – сказала я.

Я вцепилась в обломок древка стрелы, сердце заколотилось при одной мысли о том, что я намерена сделать.

«Нет, Касс, не надо...»

– Нет!

Кочо бросил перо, а я сжала пальцы и выдрала наконечник стрелы. Плоть рвалась, я, казалось, слышала этот звук; раздираемые кожу и мышцы затопило болью. Все вокруг завертелось, вспышки света перед глазами сменила расползающаяся темнота. Но я, опустив голову, боролась за то, чтобы остаться в сознании, сожаление горькой желчью подступало к горлу.

– Идиотка! – рывкнул Кочо сквозь шипение ругани, вытекавшей из моего рта, как из дырявых мехов. – Хозяин! Хозяин!

Голова кружилась, по рукам лилась кровь, но мне удалось рассмеяться.

– Полагаю, я все же важна.

Глава 4

Мико

Я прижимала к себе Хацукой, как младенца, оберегая лук от дождя, который безжалостно молотил, сдирая кожу. Высокий полог деревьев лишь собирал капли, они становились только тяжелее и с еще большей силой падали на наши и так вымокшие головы.

Примостившийся на соседней ветке генерал Китадо опустил плечи, напоминая мокрого черного дрозда.

– Непохоже, чтобы они оставили кого-то в городе, ваше величество, – сказал он, повысив голос в попытке перекрыть дождь. Тот грохотал по листьям барабанной дробью. – Кажется, они решили не разделяться.

Он хмуро всматривался в прореху между деревьями – на дороге показался предводитель левантийцев, дистанция скрадывала его гигантский рост. Он нацепил боевой плащ императора Кина. Я сжала пальцы. Мне хотелось пустить стрелу ему в глаз, а потом выдернуть ее из трупа.

– Осторожней, ваше величество, – предупредил генерал Китадо, когда я переместилась на ветке. – Если убьете его сейчас, то императрицы Мико не станет, и некому будет сражаться за Кисию.

– Знаю. Но это не значит, что мне этого не хочется.

– Отсюда это все равно почти невозможно.

Я улыбнулась.

– Точно.

По меньшей мере пятьдесят шагов сквозь танец листьев под дождем и движущаяся цель. Это поколебало мою решимость, но я лишь крепче сжала Хацукой и задумалась, как бы поступил на моем месте отец.

Когда листва в очередной раз закрыла левантийца из вида, я немного расслабилась. У меня не хватило бы стрел, чтобы убить всех, но если бы моя жизнь не была так ценна для империи, то я с радостью уничтожила бы перед смертью как можно больше гнусных захватчиков. Однако моя жизнь много значила. Моя жизнь, имя и лицо. Я была последней из рода Отако, и Кисия нуждалась во мне. Живой.

Сквозь прореху в листве стали видны другие левантийцы. Еще несколько человек щеголяли в отяжелевших от дождя алых плащах, а остальные выглядели так же, как во время сражения, только мокрые и грязные. Волы, которых левантийцы явно не привели с собой, тянули телеги с накрытой поклажей. И еще в караване были паланкины. Из-под полога мелькали алые и золотые шелка, а носильщики были в тяжелых дождевиках с вышитыми золотыми драконами Ц'ая на спинах.

– Неужели чилтейцы совсем нас не уважают, раз отдают все это в качестве военных трофеев? – прошипела я, указав на разодетых в шелка левантийцев.

– Не могу знать, ваше величество, но выглядит именно так.

– Почему они уходят? Их что, отпустили со службы?

Генерал Китадо поерзал. От этого ветка задрожала, но под дождем звук все равно невозможно было услышать.

– Возможно, они уходят, потому что чилтейцы мало им заплатили. Или потому что дождь вредит их лошадям. Лучше забрать награбленное и уйти.

– Наемники, – выплюнула я. – Не имеют представления о чести и верности.

– Пусть уж лучше уходят. С чилтейцами мы драться умеем.

Я ворчливо согласилась, и некоторое время мы наблюдали за караваном молча. Гроза отгремела еще ночью, но ливень и не думал прекращаться. Я часто наблюдала, как подобные

бури обрушивали свою ярость на дворец, и, хотя страшилась изоляции, которую они приносили, они никогда не доставляли неудобств. Генерал Рёдзи по моей просьбе ставил мишень для стрельбы из лука в помещении, а если мне хотелось покататься верхом, я могла дожидаться кратких перерывов в дожде. Теперь же я оказалась во власти стихии, без укрытия, даже без дождевика, без тепла и пищи – у меня были только меч, и лук, и стоическое общество генерала Китадо.

– Так, значит, чилтейцы захватили Мейлян, – сказала я, когда орда левантийцев прошла мимо. – И даже без левантийцев в их руках огромный кусок империи. Нам нужен план. И союзники.

– Министр Мансин говорил, что я должен отвезти вас на юг, ваше величество. Или в Сян. Я покусала губу и уставилась в пространство.

– Куда именно на юг? К кому? Как мы можем быть уверены, что эти люди не поклялись в верности Дзаю?

– Значит, в Сян.

Светлейшего Бахайна ждали в Рисяне. Надеялись, что он успеет в Мейлян. А он так и не появился. На смертном одре Кин говорил, что светлейший Бахайн был верным министром, прежде чем стал герцогом Сяна. «Нужно напомнить ему об этом. Ты должна помочь ему и его сыну об этом вспомнить».

Я все жевала губу, потягивая потрескавшуюся кожу.

– Возможно.

Эдо всегда делился новостями из дома в тех редких случаях, когда ему писал отец, и ни один человек, знающий, как светлейший Бахайн относится к чилтейцам и пиратам, в особенности к чилтейским пиратам, никогда не поверит, что он мог заключить союз с чилтейцами. Но почему же он не пришел нам на подмогу? Почему Эдо так и не ответил на письмо?

– В любом случае нужно принять решение, – сказал Китадо. – Здесь оставаться нельзя, ваше величество. Чилтейцы уже вас ищут.

Чилтейцы не знают о туннеле, но как только тщетно перероят весь город и не найдут меня, то начнут охоту за его стенами и наверняка задумаются, как сейчас я, где я могу укрыться.

– Быть может, сейчас будет безопаснее где-нибудь затаиться, ваше величество, – сказал Китадо, не дождавшись ответа. – Куда бы мы ни поехали, на дорогах опасно.

– Тут уж ничего не поделаешь. Моя задача – защищать Кисию, а для этого я должна найти союзников.

– А моя задача – защищать вас, ваше величество, но у меня ничего не получится, если вы не будете прислушиваться к моим советам.

Он отвел взгляд. Я ведь императрица, и ему не положено смотреть мне в глаза даже в таком затруднительном положении.

– Хотелось бы мне послать вас к дьяволу со всеми вашими прекрасными советами, пусть я и знаю, что вы правы, – сказала я. – Если бы мы только могли выяснить, кто из наших генералов жив и какие батальоны уцелели. Нам нужны эти сведения, мы не можем просто торчать тут, на краю топей.

Он не ответил, позволив тяжелой дробью дождя высказаться о безнадежности нашего положения, поскольку сам генерал не мог это произнести.

Последний левантиец давно скрылся из вида, и я начала спуск с дерева. Медленно, стараясь покрепче уцепиться за скользкие ветки, пока вокруг все так же лил дождь, а капли прибавали ко лбу выбившиеся пряди и проникали за шиворот. Без обернутого в краденый плащ Хацукоя было бы легче, но я часто перекладывала его из одной руки в другую. Китадо не жаловался, хотя ему пришлось замедлить спуск, чтобы подождать меня.

Наконец мои ноги коснулись земли, и я разворошила листья, скрывающие наши припасы. У корней дерева мы оставили единственный бурдюк с водой, немного вяленого мяса, уже давно не сухого, и пару одеял, связанных в импровизированный заплечный мешок, который Китадо нес на спине. Они промокли насквозь, и меня не грела мысль о том, что придется спать под сырым одеялом и на влажных листьях вместо подушки. В прошлую ночь я почти не спала, хотя дождя не было. Китадо настоял, чтобы я отдохнула, пока он стоит на страже, но я лишь слегка вздремнула, взамен получив ноющую шею. Прошло всего три дня с тех пор, как мы улизнули из Мейляна через туннель, а я уже чувствовала себя настоящей развалиной, как будто меня держит в целости лишь потрепанная веревка.

Глухой стук возвестил о приземлении Китадо. Он поправил перевязь с мечом и собрался расправить плащ, но его рука застыла в воздухе. Мы бросили свою императорскую одежду, когда протискивались сквозь лисью нору в конце туннеля, с северного берега реки Цыцы.

– Если и остались какие-то разрозненные батальоны, то они должны быть на севере, – сказала я, пока Китадо прилаживал мокрые одеяла вместо плаща. – А чилтейцы не ждут, что мы пойдем в том направлении.

– Не ждут, потому что это слишком рискованно, ваше величество. Основные силы чилтейцев, вероятно, в Мейляне, но по дороге к границе остались небольшие полевые лагеря, так обычно поступают чилтейцы. И они не просто отправили на ваши поиски один отряд, вас ищут повсюду.

– Ладно, тогда не на север, но прятаться я не буду.

Он поморщился.

– Можно с тем же успехом пойти на восток, в Сян. Где-то там должны быть восточные батальоны.

Я глубоко вздохнула. Мне был ненавистен зуд тревоги, охватывающий меня всякий раз, когда я думала о светлейшем Бахайне. Он с радостью встретился со мной в Кое, но то было до смерти Танаки, до того, как чилтейцы перешли границу вместе со своими наемниками-варварами, прежде чем все, что я знала и за что боролась, пошло прахом. Но Китадо был прав. Батальоны все еще где-то там.

– Значит, пойдем в Сян, – сказала я. – Мы можем воспользоваться рекой?

– Слишком рискованно так высоко по течению, но восточнее Циляня это возможно, и получится быстрее, чем пешком.

– А в Циляне мы даже можем узнать новости из Когахейры.

– Да, и если светлейший Бахайн вышел из Сяна, то наверняка двинулся в том направлении. Мангровые заросли у реки слишком густы для большого пешего войска.

Я сжала губы в мрачной улыбке.

– Я рада, что хоть в чем-то вы со мной согласились, генерал.

Он пожал плечом, не отягощенным мокрыми одеялами.

– Я могу вам и возразить иногда, ваше величество.

Он пошел впереди меня с рукой на рукояти меча и постоянно вертел головой под ливнем, не снижая бдительности. Его чуткие зрение и слух не единожды спасли нас от трясины, когда мы огибали край болот Ниви, хотя трудно сказать, могли ли бы мы встретить на этом пути хоть кого-нибудь – врагов, союзников или бандитов. Топи Ниви всегда были белым пятном на карте империи, болотистая почва и заросли отвергали все попытки что-то построить, однако рядом с ними селились те, кто по той или иной причине желал ускользнуть от внимания императора. Дожди вытеснили многих обитателей болот на возвышенности, и для нас это было еще одной причиной не задерживаться здесь надолго.

Я следовала за генералом Китадо на небольшом расстоянии, обдумывая наше положение и внимательно глядя по сторонам. Дождь затруднял обзор, скрывая пейзаж туманной завесой, а нескончаемая барабанная дробь заглушала почти все звуки. Я даже не могла толком понять,

куда мы идем. Все вокруг смешалось, край топей зарос высокими корявыми деревьями, увитыми лианами, которые стелились по тропе, заставляя неосторожного путника спотыкаться. Я как раз выпутывалась из шипастых ветвей, когда заметила слева дорогу. Похоже, по ней совсем недавно проскакали левантийцы.

Я остановилась. Генерал Китадо сделал несколько шагов и обернулся, наполовину вытащив меч из ножен.

– Мы идем на юг, – сказала я. Он засунул меч обратно и почтительно поклонился. – Я думала, мы направляемся в Сян.

Он поправил одеяла на плече.

– Именно так, ваше величество, но пусть лучше нас отделяет несколько часов пути от левантийцев, которые пошли на север. Лучше пересечь дорогу Ив ближе к Цыцы, и тогда мы сможем скрытно двигаться в мангровых зарослях у реки.

– И вы не сказали мне об этом, потому что я слишком нетерпелива и проигнорировала бы ваш совет?

Генерал снова пожал одним плечом и, заметив мою кривую усмешку, тоже позволил себе улыбнуться.

– Что-то в таком духе, ваше величество.

– Ладно, пройдем на юг еще немного, но тогда хватит бояться пересечь дорогу, давайте это сделаем.

Генерал Китадо резко кивнул, безрадостно улыбнулся и снова зашагал на юг. Туннель из Мейляна вывел нас дальше на север, чем я рассчитывала. Мы отдохнули в его темноте и, прищурившись, вышли на свет нового дня – нет, нового мира. Я не могла отделаться от мысли, что все это сон, и если мы вернемся в Мейлян, то город будет жить обычной жизнью, и никаких завоевателей-чилтейцев поблизости. Но мои ладони были покрыты царапинами – я расчищала проход у выхода из туннеля, а стоило закрыть глаза, и в темноте меня обступали горожане, бормоча молитвы. Мы сражались и проиграли, но я не сдамся, даже если придется воевать в одиночестве.

Такая вероятность беспокоила меня гораздо сильнее, чем я могла признать генералу Китадо. Принц Дзай со своими тремя батальонами и кровью истинного Ц'ая легко найдет поддержку на юге. Возможно, он уже собирается атаковать завоевателей и одерживает победу там, где я потерпела неудачу. Без союзников я ни на что не способна и ничего не достигну, лучше бы я с честью погибла, защищая свой город, чем буду бесславно угасать, беспомощная и одинокая.

Генерал Китадо остановился, прервав мои глупые мысли. Мы подошли к обочине дороги, и, судя по двойной колее, здесь часто проезжали экипажи. Колес были немногим лучше топких глинистых луж, но свежие отпечатки копыт еще не успели расплыться.

Генерал присел и предупреждающе поднял руку, рассматривая следы.

– Две лошади, – объявил он. – Не так давно проскакали на запад.

– Две? Вы уверены?

Он кивнул.

– Одни копыта подкованы, а другие нет.

– Не подкованы? В такую-то погоду?

– Возможно, левантийская лошадь, хотя маловероятно, что они отважатся забраться в болота. Может, просто неподготовленный к сезону дождей кирианец.

Я всмотрелась в мокрый лес, но увидела только листву, стволы и бесконечный дождь, который уже превратил мою одежду в насмешку. Она прилипала к коже и душила, я так замерзла, что на мгновение мне даже захотелось все с себя снять. Я все бы отдала, чтобы очутиться в тепле и сухости, а ведь, возможно, не будь я такой решительной и честолюбивой, не следуй я своему предназначению, то сейчас жила бы себе в Чилтее, женой Лео Виллиуса. В уюте и безопасности. А Кисия осталась бы неразделенной.

– Возможно, это следы чилтейского патруля, – сказал генерал Китадо, обводя след копыта пальцем. – С другой стороны, это могут быть и кисианские разведчики. Если светлейший Бахайн знает, что вас не схватили в Мейляне, он тоже может нас искать.

– Возможно, это и пустяк, но стоит проверить, – сказала я, когда надежда на встречу с потенциальными союзниками перевесила страхи. – Их двое, и нас двое, к тому же на нашей стороне элемент неожиданности.

Он согласился, опять пожав одним плечом, и я пошла по тракту. Очень скоро из туманной завесы бури проступили контуры дома, словно притаившегося под дождем животного.

– Наверное, торговец шкурами, – предположил Китадо. – Или дровосек.

Внезапные крики вынудили нас замереть, и генерал Китадо выставил вперед руку, словно пытаясь оградить от натиска невидимых врагов.

– Беда, – сказал он, не сводя взгляда с дома. – Нужно уходить.

– Беда?

Я отвела его руку и сделала несколько шагов вперед, прищурившись на проступающие сквозь ливень тени. Еще несколько шагов, и в тумане возникли серые расплывчатые фигуры, а вместе с ними и третья – крупная беспокойная лошадь, несущая какой-то массивный груз.

Крики были неразборчивыми, я различила только панику и ускорила шаг.

– Ваше величество! – шикнул Китадо и бросился ко мне. – Это могут быть враги. Или...

– Или кисианцы, которым нужна помощь, – ответила я, вспоминая толпу людей, смотрящих на меня как на спасительницу, и я всех их подвела. – Если я не могу помочь своим подданным, то какой от меня прок?

– Ваше величество, это неразумно.

– Неразумно называть меня «ваше величество».

По мере нашего приближения серые силуэты постепенно становились более четкими. Две фигуры превратились в три, одна вытянутая рука оказалась мечом, другая – топором, а неразборчивое бормотание – мольбами на чилтейском.

– Я не собираюсь красть твое золото, приятель...

– Назад, гнусное отродье!

– Мне нужна твоя помощь, я...

– Помочь тебе, чтобы ты напал, стоит мне повернуться спиной?

Я вытащила Хацукой из-под шерстяного плаща и бросилась вперед, а Китадо раздраженно фыркнул и последовал за мной. С брызгами шлепая по лужам, я сняла налучье и положила стрелу на тетиву.

– Стоять! – выкрикнула я.

От неожиданности все замерли, взирая на меня. Перед дверью стояли два кисианца, мужчина и женщина, вооруженные топором и палкой. Их противник, как ни странно, оказался не чилтейцем, а скорее юным левантийцем, к его спине прилипли длинные черные волосы. В нескольких шагах позади него трясли гривами две беспокойные лошади. Одна – небольшая, под кисианским седлом с драконом Ц'ая, а вторая – огромная, и поперек седла лежал мешком второй мужчина.

Те трое, что находились в сознании, подняли руки, увидев мой лук, из которого я попеременно целилась в каждого из них и в конце концов остановилась на длинноволосом левантийце.

– Что здесь происходит?

– Этот варвар хотел нас ограбить...

– Нет! Я...

– Ты угрожал нам саблей!

– Только когда ты чуть не снес мне голову топором! – Юноша повернулся ко мне, сложив руки в мольбе. – Прошу вас! Я знаю, вы считаете меня врагом, но я не хочу враждовать. Моему другу нужна помощь. Он ранен. Он потерял много крови, и я боюсь, что долго он не протянет.

Не сводя глаз с левантийца, я кивнула Китадо.

– Проверьте, правду ли он говорит.

– Клянусь! Мне нужны только кров и помощь! Если вы меня отпустите, я поищу их где-нибудь еще.

– Твой друг может этого не пережить, – сказал Китадо, осматривая лежащего без сознания левантийца. – Возможно, и сейчас уже слишком поздно.

Молодой человек упал на колени, несмотря на топор, маячивший угрожающе близко. Я облизала губы. Китадо был прав, идти сюда было не только опасно, но и бесполезной тратой времени – сыграть в спасителя для пары крестьян, которым ничто не грозило от почти мертвого левантийца и его расстроенного товарища.

Я раздраженно опустила лук – только зазря его намочила. Сейчас мы могли бы уже быть на полмили ближе к реке, а оказались в полумиле дальше от дороги.

– Лучше попрощайся со своим другом и догоняй своих товарищей, – сказала я. – Мы видели их не так давно, они идут на север, к границе.

Юноша вскинул голову, на его лице застыла печаль.

– К границе?

– Ну да, этим путем покидают Кисию.

Он нахмурился, взгляд потух.

– Покидают? Они не покидают. – Его брови опустились еще сильнее. – Кто вы?

– Я могу задать тот же вопрос левантийскому наемнику, который говорит по-чилтейски.

Мой вопрос не отвлек его от темы, и он оглядел меня с головы до пят таким пристальным взглядом, на который не решился бы ни один самый смелый придворный.

– Ты сказал, что они не покидают Кисию, – вмешался генерал Китадо, отходя от раненого. – Если они не уходят, тогда как это понять? Чилтейцы дали им... дали вам новые приказы?

Молодой человек перевел взгляд с меня на Китадо и обратно, немного расслабив сжатые челюсти.

– Ну и? – спросила я, не дождавшись ответа. – Тебе задали вопрос. С твоей стороны разумнее на него ответить. Нас больше.

– Нет.

– Нет? – Я снова подняла Хацукой и натянула тетиву. – Может, все-таки попробуешь ответить?

Длинноволосый левантиец расправил плечи и уставился прямо на стрелу, словно приглашая ее проткнуть его.

– Нет, – повторил он. – Если вы хотите получить ответы, то должны мне помочь. Помогите моему другу.

Моя стрела не дрогнула, когда я посмотрела на Китадо. Тот нахмурился.

– Откуда нам знать, что твои ответы стоят потраченного времени?

– Еще как стоят. А еще больше стоят его слова. – Он указал на перекинутого через седло левантийца. Дождь стекал по его вялым пальцам и мыскам сапог. – Этот человек – Рах э’Торин, собрат по гурту Гидеона э’Торина, нового императора Кисии.

Стрела выпала из моей руки, тетива ослабла, а челюсть отвисла. Наверное, я ослышалась.

– Что?! – охнул стоящий рядом со мной Китадо.

– Так вы ему поможете?

– Помочь тебе его похоронить?

Юноша упрямо вздернул подбородок, а стоящие в двери крестьянин с женой что-то быстро зашептали. Я чувствовала на себе взгляд Китадо, но не могла повернуться, не сводя глаз с молодого левантийца и пытаюсь найти в его лице хоть один намек на то, что он врет.

– Ваше ве... – Китадо откашлялся. – Как мне с ним поступить? Я могу заставить его ответить, если...

Юноша обернулся.

– Вы не сможете сделать хуже того, что со мной уже сделали, – выплюнул он. – Единственный способ получить ответы – это спасти моего друга.

Я посмотрела на раненого левантийца. Брат императора? Перемены в положении дел настолько резкие, что было жизненно важно получить объяснения, но оставаться здесь и помогать значило потерять много времени, а этого я не могла себе позволить.

Опустив Хацукой, я подозвала генерала, и он подошел ближе и наклонил ко мне голову.

– Нужно разузнать все, что получится. Боюсь, на кону стоит гораздо больше, чем мы думаем.

– Согласен, ваше величество, – пробормотал он мне на ухо. – Но я не уверен, что им можно доверять. Они же левантийцы.

Я снова посмотрела на молодого человека, который кусал губы и скрестил руки на груди. Его позабытая сабля валялась в грязи. Но дровосек и его жена все равно с опаской косились на левантийца. Впрочем, Хацукой наводил на них не меньше страха, чем варвар. За их спинами в хижине приветливо мерцал огонек, обещая убежище. Сухость. Там будет еда и циновка для сна, которая не хлопает от воды.

– А придется, – ответила я. – Хотя вряд ли они с легкостью нас примут. Скажите этим людям, что вы дворянин, а я ваша дочь. Я боюсь сказать правду даже своим подданным.

– Как пожелаете, ваше величество.

– Договоритесь с ними о ночлеге. А я взгляну, что с раненым.

Генерал уже собирался поклониться, но вовремя остановился и ограничился кивком, а потом подошел к дровосеку, раскинув руки в приветствии. Мне не нравился пристальный взгляд этого человека, я подобрала стрелу и накинула на Хацукой шерстяной плащ.

Огромный левантийский конь отпрыгнул в сторону, когда я приблизилась к нему, но не встал на дыбы и не взбрыкнул. Я похлопала его по загривку.

– Хороший мальчик, – сказала я. – Я взгляну на твою ношу, а ты стой спокойно, хорошо?

Перекинутый через седло мужчина был больше похож на левантийца, чем его спутник, – волосы сбриты, а на затылке бледный шрам в форме лошади и луны. Правда, в отличие от второго, он был одет по-кисиански, в смесь стандартной военной формы и более изысканного облачения императорской гвардии. Ни один предмет одежды не был ему впору, и все промокло насквозь.

– Он ранен в ногу.

Я дотронулась до своего кинжала, но не вытащила его, и юный левантиец отступил, примирительно подняв руки.

– Я не хотел тебя напугать. Ты можешь ему помочь?

– Зависит оттого, в чем он нуждается, – ответила я, не сумев ответить прямо и честно. – Сначала нужно устроить его поудобнее и выяснить, в чем дело.

– Его пырнули в бедро. Думаю, он потерял много крови, но и с самого начала он был не в лучшей форме.

К счастью, Китадо присоединился к нам, и мне не пришлось отвечать.

– Они согласны впустить нас в амбар и старый дом, но сказали, что там немного течет крыша. В сарае есть дрова, а в подвале мясо. Но это все. Они добавили, что лето выдалось тяжелым. Я заплатил им сполна.

– Ничего, это нам подойдет, – сказала я. – Попросите их показать дорогу.

– Да, ваш... – И снова генерал Китадо осекся, закашлялся и ушел разбираться с гостеприимными хозяевами.

Усадьба дровосека состояла из нескольких приземистых домишек и навесов, двор был усеян щепками и стружкой. Под группой деревьев топталась пара буйволов, а ближе к дому в загонах находились две свиньи и неряшливые куры, дождь частично попадал на них, даже несмотря на скошенную крышу. С другой стороны двора стояли амбар и второй дом, предоставленные стихии.

– Сюда, – сказал дровосек, натягивая капюшон, и побежал дальше. Он уважительно кивнул мне, но подозрительно покосился на левантийца, ведущего следом за нами обеих лошадей. Мы быстро пересекли двор и оказались у самого дальнего дома.

– А вон там – амбар, – указал дровосек на соседнее строение. – Зимой мы потеряли лошадь, но ваши будут там в сухости. А здесь, – он распахнул тонкую деревянную дверь, которая возмущенно заскрипела в ответ, – наш старый дом. Им не пользовались со дня смерти моей матушки, но он в вашем распоряжении.

Я вошла первой, нырнув под рукой дровосека. Дом был сырой и маленький, всего пара комнат, меньшая была отделена от большей поеденной молью занавеской. Но, не считая пары капель с крыши, там было сухо, а очаг выглядел крепким и надежным, что неудивительно в доме дровосека.

– Я пришлю жену с едой и одеялами, господин, – сказал дровосек генералу Китадо, когда тот подошел ближе. – Можете принести дров из сарая и пользуйтесь всем, что найдете во дворе. В буфете еще сохранилась кое-какая матушкина посуда. А я принесу... лопаты и... ну, на всякий случай, если он... сами понимаете.

Он осекся, когда по лестнице поднялся молодой левантиец.

– Спасибо, – сказал генерал Китадо. – Ваша щедрость будет вознаграждена.

Лицо лесоруба под капюшоном стало пунцовым.

– Всего лишь старое доброе гостеприимство, господин, – сказал он и вышел, что-то неразборчиво бормоча себе под нос.

Мы остались в сомнительном уюте домишка.

– Ладно, – сказала я, когда он удалился. – Принесите раненого левантийца и положите его на пол, чтобы я осмотрела его раны, а потом вы, Китадо, пойдете за дровами, а ты... – я посмотрела на длинноволосого левантийца, – отведи лошадей в амбар и позаботься о них.

Молодой человек колебался, не понимая, стоит ли спорить, но Китадо прошел мимо него со словами «Давай, парень», и левантиец последовал за старым воякой.

Я обследовала дом и выяснила, что в нем мало полезного. В отделенной занавеской комнатке была лишь одна скатанная циновка для сна и проеденный жучком низкий старый столик. Маленькое гнездо из сена в углу подтвердило мои подозрения о мышах, но я даже не поежилась – на это просто не было времени. Топот и сопение из главной комнаты возвестили о возвращении Китадо и молодого левантийца, несущего своего раненого друга. Как бы ни был силен Китадо, раненый был таким высоким и мускулистым, что у лестницы генерал с юным левантийцем сдались, положили свою ношу и потащили его волоком. Когда раненый наконец оказался на полу в доме, оба вздохнули с облегчением.

– Дрова, лошади. Ступайте, – велела я. – Я им займусь.

Молодой человек бросил на меня недоуменный взгляд, но вышел обратно под дождь. Несмотря на уверенность, которую я вложила в слова, мне не сразу удалось заставить себя осмотреть раны левантийца. Я пошарила в буфете и единственном сундуке и вытащила все, что могло пригодиться. Я подставила по горшку под каждой протечкой и бросила на пол пыльное одеяло, до последнего надеясь, что когда я наконец обернусь, левантиец уже умрет. Будет выглядеть так, как будто мы попытались, юноша расскажет все, что требуется, и мы продолжим путь.

Прежде чем вернулись генерал Китадо и молодой левантиец, пришла жена лесоруба с одеялами и припасами, завернутыми в мокрый дождевик, который она повесила на крючок у открытой двери.

– Спасибо, – сказала я, но она лишь поклонилась – один раз, второй и третий, пятясь к двери, но так и не произнесла ни слова.

Одеяла, старые платья, небольшой швейный набор, травы, чай, еда, даже несколько изумительно сухих палочек с благовониями и потрепанный свиток с молитвами богине Ци. Похоже, она тоже не сильно надеялась на успех.

Левантиец застонал. Тогда я подошла к нему – лежащему на полу окровавленному и вымокшему месиву вместо человека, его на удивление тонкие черты лица исказились в мучительной гримасе боли. Он не умер, хотя так было бы гораздо проще для всех нас. Пусть бы он сдался и отправился на свободу загробной жизни, если левантийцы в нее верили. Но нет, он боролся, и это как минимум вызывало уважение.

Дождь омыл его рану, лишь ткань вокруг была пропитана кровью. Над раной нога была крепко перетянута алым поясом-оби, остановившим кровопотерю, и на шелке вставал на дыбы дракон Ц'ая. Рах э'Торин, брат по гурту Гидеона э'Торина, нового императора Кисии.

Я разорвала ткань, чтобы лучше рассмотреть рану. Кто-то проткнул его бедро чем-то тонким и острым вроде шампура, и рана была чистой, но от нее шел длинный и неглубокий порез. Видимо, левантиец потерял много крови, однако сама по себе рана не могла стать причиной такой слабости, почти на грани смерти.

Когда вернулся Китадо с вязанкой дров, я глубоко вздохнула.

– Как только разведете огонь, поищите вина для раны, – сказала я.

– Вина? – удивился молодой левантиец, стоящий в дверях. – Нужна теплая соленая вода. И тряпки. Разведите огонь и согрейте воду. Здесь есть иголки и кишки?

– Кишки?

– Чтобы зашить рану, – ответил он, нетерпеливо шагнул в комнату и устался на кучку припасов, которые принесла жена дровосека. Он взял оттуда набор для шитья. – Хм, хорошо хоть есть игла, эта нитка сойдет. Кто-нибудь из вас умеет шить? Я... – Он отвернулся. – Я еще не научился.

Китадо что-то проворчал, явно пытаясь найти отговорку, и я выхватила швейный набор из рук юного левантийца.

– Дай сюда. Я этим займусь. – Я раздраженно выдохнула. – Кто бы мог подумать, что однажды я пожалею о своей невнимательности на уроках шитья госпожи Йи.

Глава 5

Рах

Гидеон протянул мне миску, ее содержимое скрывала тень. Что-то было не так, я не мог уловить, что именно, но его лицо, тело и одежда больше не сочетались.

– Хорошо, что ты вернулся.

И голос у него был слишком громкий, но мои мысли кричали громче.

– Да, я рад вернуться, – сказал я, слова казались шепотом по сравнению с ревом в голове. – Я скучал по тебе. Скучал по этому, – я указал на гурт, собравшийся на вечернюю трапезу.

– Скучал так сильно, что хотел уйти и быть сам по себе?

Его взгляд был пронизательным, но мягким. Всегда мягким.

– Нет, я просто...

– Полагаю, снова привыкать трудно. Хочешь поговорить об этом?

Я закрыл глаза, чтобы не пролить нежеланных слез. Кто я такой, чтобы он так заботился обо мне? Каких бы ребяческих обещаний он ни давал моей матери, сейчас он был Клинком, а я – даже не седельный мальчишка, всего лишь жалкий неудачник в глазах многих. Мальчишка, которому никогда не стать заклинателем лошадей, позор рода Торин.

Мне на плечи легла его тяжелая рука, он был рядом – теплый, сильный, пахнущий солевой водой.

– Я знаю, о чем ты думаешь, Рах, и ты не такой. Ты не обуза и не неудачник. Тебе нечего стыдиться. Путь заклинателя лошадей труден. Не каждый может его пройти. Ты сделал все, что мог.

– Нет.

– В каком смысле?

Он не отошел и не убрал руку, и, не успев толком подумать, я уже изливал свою правду в созданное им безопасное пространство. Я рассказал ему о наставлениях, правилах и ожиданиях, о беспрекословном послушании, притворстве и бесконечной сокрушающей тишине. Я должен был гордиться возможностью послужить своему народу, принести славу своему гурту, но каждый день терял частичку себя и каждый день мечтал стать свободным, бросить все и сбежать, какой бы позор и груз ни навлекло это на мою душу. И однажды я так и сделал. Все решили, что меня отослали обратно за то, что я не справился, но я просто сбежал. Ушел, не оглядываясь.

И теперь стыд оттого, как сильно я подвел себя, свой гурт и свой народ, давил на меня как гора.

Когда я закончил, Гидеон сомкнул руки и держал меня, пока я плакал, положив голову мне на плечо. Он не сбежал от такого груза, в отличие от меня, ни тогда, ни позже. Никогда.

Песню, которую он тихонько напевал мне на ухо, нарушил треск. Он становился все громче, поглотив сначала голос Гидеона, а затем и его самого, оставив лишь его тепло и память о его прикосновении.

По телу кулаками ударила боль. Мелькнул и пропал запах мокрой шкуры Дзиньзо, а стук дождя был бесконечен. К знакомому голосу где-то над головой присоединились другие. Комната кружилась. Плоть пронзила острая боль, и я вскрикнул, звук был такой же живой, как бречание мертвых костей.

Голос что-то выкрикнул, но я не понимал слов. Пол под моей головой затрясся от шагов, и появилось лицо. Знакомое лицо, которому принадлежал знакомый голос.

– Тор?

Я прервал его имя вскриком, когда пронзительная боль вернулась, заставив меня дернуться.

Снова непонятные слова, быстрые и злые, и лишь рука Тора удержала меня от попытки встать.

– Не двигайся, – сказал он. – Девчонка тебя зашивает.

– Девчонка? – прохрипел я и облизал пересохшие губы, глядя ему в глаза и пытаясь хоть что-то понять. – Зачем?

Тор огляделся. Я видел только его лицо.

– Сетт распорол тебе ногу пробойником, – сказал он, понизив голос до уровня шипения гаснувших углей. – Ты что, не помнишь?

Его слова разорвали темноту, как занавесу, открыв мне комнату. Маленькую комнату, освещенную дымящимся очагом и свечами. Слабый свет сочился в открытую дверь, за которой водопадом хлестал дождь. Капли воды с протекающей крыши стекали в горшки, от влажности было трудно дышать. У огня сушилась одежда. Одежда под моей головой пахла плесенью. Все пространство вокруг заполняли связки сушеных трав, миски, иглы и нитки. И девчонка. Нет, слишком высокая и хорошо сложенная для девчонки, скорее молодая женщина, ровесница Тора. Она склонилась над работой, из пучка на затылке выбилось несколько мокрых темных прядей. Остановившись с иглой и ниткой в руке, она посмотрела на Тора и что-то сказала на кирианском.

– Что она говорит? – просипел я.

– Хочет знать, можно ли продолжать шить или ты свалишься в обморок прямо на нее.

Я встретился с ее острым, оценивающим взглядом. Ни жалости, ни извинений. Жесткость ее лица лишь усиливалась нетерпением.

– Скажи, пусть продолжает, – сказал я, ненавидя свое сухое карканье. – Левантийцы терпеливы.

Тор повторил мои слова, и верхняя губа женщины скептически изогнулась. Но все же она обратила взгляд ясных глаз к работе и снова воткнула иглу мне в ногу. Я закричал зубами, сжав кулаки, и уставился на отблески света на потолке. Ощущения не были для меня новыми, но Йитти всегда облегчал их болтовней, старыми историями, едой, выпивкой и хорошей компанией.

Тор присел рядом со мной как зверь, готовый к бегству.

– Прости, что пришлось принять помощь этих людей, – сказал он. – У меня не было выбора.

– Кто они?

Я не повернул головы, чтобы снова посмотреть на нее, но видел молодую кирианку боковым зрением. А шаги позади меня означали, что в комнате есть как минимум еще один человек, а может, и больше.

– Они были одеты как солдаты, – ответил Тор, опасливо покосившись на женщину. – И хорошо вооружены, но не думаю, что они те, за кого себя выдают. Крестьяне, хозяева дома, много им кланялись, так что, возможно, этот человек какой-то вельможа.

Я вздрогнул от мерзкого ощущения, когда нить стянула кожу.

– А где мы? – спросил я, стараясь отвлечься от боли в ноге, как будто врезающейся в кость.

– Не знаю, – скривился Тор. – Я нашел тебя у дороги и был уверен, что Сетт отправит за мной Клинков, поэтому просто скакал вперед. – Он выдавил неуверенный смешок. – Проклятье, эти кирианские кони – просто неразумные твари.

– А Дзиньзо?

– В сарае. С ним все в порядке. Я даже вычистил его и дал сухого сена.

Другие вопросы застряли у меня в глотке, я не мог выговорить их, поскольку боялся ответов. Опустилась напряженная, хрупкая тишина. Лишь ритмичные уколы иглы нарушали нить моих размышлений, принося облегчение, хотя из-за них в животе все сжималось.

Позади меня раздался низкий голос. Снова кирианский. Молодая женщина ответила, не поднимая глаз. Тор переводил взгляд с одного из них на другого, слушая разговор, затем, увидев озадаченность на моем лице, сказал:

– Они говорят о тебе. Она считает, что ты можешь все-таки выжить, а он предостерегает от излишнего оптимизма. Говорит, такие раны могут загноиться.

Женщина завершила разговор, пожав плечами, и Тор перевел ее последние слова только после моего напоминания.

– Она говорит, что тогда это будет еще более пустая трата ниток, чем... не уверен, что правильно понял слово, нас не учили ничему такому, но, кажется, она говорит о... – он сделал неопределенный жест, будто шьет, – о подушках? О картинах, вышитых на подушках. Вроде наших вышитых попон.

Все молчали, пока она не затянула нитку в последний раз и перекусила ее.

– Можешь сесть? – перевел Тор, когда она впервые заговорила со мной. Молодая женщина поджала губы в ожидании ответа, и мне никогда так не хотелось знать их язык, как перед лицом такой нетерпеливости. – Она говорит, что так будет легче перевязать рану. И здесь есть вода. И мясо. И рис, если ты готов поесть.

Тор предложил мне руку, но я отказался. Я сел, опираясь на дрожащие руки, и комната снова закружилась. Девушка быстро убрала что-то, что я едва не перевернул, но ничего не сказала, только цокнула языком. Ее спутник, кирианец средних лет с покрытым шрамами ничего не выражающим лицом, передал ей пучок длинных льняных лоскутков, только что оторванных, если судить по неровным краям. Он заметил мой вопросительный взгляд, но тоже ничего не сказал и вскоре вернулся к своим делам у огня.

– Это кирианцы, – сказал я, наконец решившись высказать то, что так меня беспокоило. – Мы убивали, жгли и завоевывали их земли, захватили их столицу. Зачем они нам помогают?

Тор протянул мне глиняную кружку, расписанную мелкими цветами. Я отхлебнул, боясь раздавить ее – руки внезапно показались слишком большими.

Мальчишка не ответил.

Положив мою ногу себе на колени, как на табурет, кирианка начала бинтовать рану. Любопытство взяло надо мной верх, и я посмотрел на ногу, пока девушка не успела ее прикрыть. Йитти был хорош, но она сделала в два раза больше крошечных стежков и оставила рану более чистой. Теми же проворными руками она вскоре плотно ее забинтовала.

Я посмотрел на Тора.

– Так зачем?

– Они хотят знать, что произошло. В городе. Они думают, что мы наемники. Я обещал рассказать, если они тебе помогут. Мне показалось, что это невысокая цена.

Настал мой черед не отвечать. Все тело болело, хотелось спать, но во второй раз за несколько дней в животе бурлил тошнотворный голод. На этот раз я не спешил с едой, зная, что станет плохо, если буду есть быстрее. А хуже нетерпения этой женщины могло бы стать только ее отвращение.

Покончив со своей работой, она исчезла в другой, отделенной занавеской комнате. Сквозь потрескивание огня и стук дождя я слышал, как она там движется.

Пока я ел, Тор болтал.

– ...и повсюду кровь, я правда не думал, что ты выживешь, – говорил он, когда я снова обратил на него внимание. – Решил, что ты упал с седла и разбил голову, потому что ты был такой медлительный и вялый, но, наверное, это из-за голода, пока ты сидел под замком, и всего этого, ну... Но мы тебя выходим. Скоро снова сядешь в седло.

Он на секунду остановился, но, откинув со лба длинные волосы, продолжил:

– Жаль, я не знал, что он собирается сделать. Сетт. Я бы мог остановить его.

От смеха у меня изо рта разлетелся рис.

– Остановить его? Каким это образом?

– Пригрозил бы уйти. Я ему нужен. Не знаю, как он выкрутится теперь, когда некому для него переводить. – Тор издал короткий удовлетворенный смешок. – Я так и так собирался уйти, но рад, что подождал.

– Как и я.

Раненый и изголодавшийся, я бы непременно умер, если бы он не догнал меня, а может, меня убили бы собственные Клинки, если бы я упал в пределах видимости с городских стен.

При воспоминании о цепи факелов на стене рис во рту превратился в клей, и я отставил миску. В тишине плеск падавших с протекающей крыши капель казался оглушающе громким.

– Тебе повезло, что не убился, когда упал, – сказал Тор после короткой паузы, но его слова ничего не значили по сравнению с мыслью о том, что мои Клинки обратились против меня. Как сильно я их подвел.

Ты не обуза и не неудачник. Тебе нечего стыдиться.

Закрывая глаза, я мог ощутить тяжесть его руки на плечах.

– Прости, что мы здесь застряли, – продолжил Тор. – Я слышал разговоры, что группа левантийцев ушла от Гидеона после взятия города и встала лагерем где-то в этом районе. Я пытался найти их, но побоялся, что ты долго не протянешь, если не найду помощь.

Он нахмурился.

– Лучше бы я их нашел.

Похоже, неудача грызла его душу, и, вспомнив Гидеона, я собрал все силы и слабо улыбнулся.

– Ты сделал для меня все, что мог, никто не сумел бы сделать больше. Спасибо тебе.

По сравнению с тем, что дал мне Гидеон, просто находясь рядом в тот первый вечер после моего возвращения в гурт, это было ничто, но сейчас это было все, что у меня есть, и лицо Тора просветлело.

– Ну, мы можем их разыскать, когда ты...

Он остановился, когда молодая женщина отодвинула занавеси. Она переделалась из мокрых доспехов в простое платье, линялое и поношенное, но держалась с такой яростной гордостью, что никто не посмел бы плохо о ней подумать. Не глядя на нас, она подошла к огню и встала рядом со своим спутником. Они были одного роста, оба сложены как воины, несмотря на сомнения Тора. У девушки даже был лук, на который она указывала при разговоре, время от времени поглядывая на Тора.

Ее спутник что-то ответил, также взглянув на Тора, а я, хотя и мог попросить его перевести, разглядывал огромный черный лук. Я уже его видел.

– Когда сможешь сидеть в седле, мы найдем лагерь, – продолжил Тор, понизив голос. – А потом отправимся домой.

Домой. Без моих Клинок мне незачем было тут оставаться, но при мысли об отъезде меня пробирал необъяснимый холодок.

Приближение кисанки избавило меня от необходимости отвечать. Она обратилась к Тору в приказном тоне, и на его лице появилась тень раздражения. Я услышал свое имя. Имя Гидеона. Вопрос. Увидел мольбу в ее взгляде, которой не было в голосе. К ней присоединился ее спутник, встал на шаг позади и сбоку. Защитник. Отвечая, Тор неодобрительно разглядывал его и лук девушки.

Его ответ им не понравился. На меня снова указывали жестами, бросали взгляды, больше как на предмет, чем на человека, и я никогда так не жалел о том, что ничего не понимаю.

– Что она хочет? – спросил я.

Тор прервался.

– Хочет знать, что случилось в Мейляне.

– Так Расскажи ей.

– Но мы пока не можем уйти. А как только они получают, что им нужно, то заберут наших лошадей и убьют нас, если мы попытаемся помешать.

Кисианка переводила взгляд с меня на Тора и снова нахмурилась, когда я сказал:

– Спроси, таков ли их план.

– Они станут все отрицать.

– Просто спроси.

Тор повиновался, и, пока он говорил, я наблюдал за лицом девушки. Ее глаза округлились и тут же сузились, морщины вокруг губ стали глубже. Ответ ее был коротким, держалась она прямо, вцепившись руками в лук.

– Говорит, что они нас не убьют. Говорит, мы можем ей доверять, потому что кисианцы живут и умирают с честью, хотя не всем варварам-наемникам дано это понять.

Неожиданно вырвавшийся у меня смех сотряс все тело, пронзив болью места, о существовании которых я и не подозревал. Пока я безумно хихикал, девушка нахмурилась еще сильнее и что-то коротко спросила у Тора.

Прежде чем он успел перевести, я сказал:

– Передай ей, что ни одной разодетой в шелка горожанке не дано понять, почему я смеюсь. Но я верю, что они не хотят причинить нам вреда. Расскажи им, что произошло.

Тору так понравилось переводить первую часть, что он не стал возражать против второй. Девушка выглядела так, будто хотела воткнуть стрелу мне в глаз, но вместо этого засыпала Тора вопросами. Я мог только предполагать, о чем она спрашивала, слушать упоминания города, Гидеона, чилтейских командиров, моего собственного имени и моих товарищей. И Лео. Я заново проживал рассказ Тора. Трупы на улицах. Кровь. Гидеон на троне, изувеченное тело Лео на полу. И только я отказался поклониться. Встать на колени. Принять то, какими мы стали. Предателями. Убийцами. Завоевателями.

Это был ее город. Чем дольше я смотрел, тем больше в этом убеждался. Она не просто девушка, лишенная дома, она императрица, лишенная империи. Лук. Уверенность. Человек, стоявший позади нее так же, как ее стража на поле боя. Ей требовались только сверкающие доспехи, чтобы снова стать золотым драконом, стать императрицей Мико Ц'ай. И каждое слово Тора, каждая деталь его рассказа были тычком в открытую рану. Но она все равно стояла, гордая и полная решимости не сломаться.

Тор, похоже, ничего не понял. Для человека, знающего правду, он не выказывал ни должного почтения, ни враждебности. Со времен Рисяна он изменился, в глазах засветился огонек.

Когда наконец вопросы у императрицы закончились, она повернулась к своему спутнику. Они не произнесли ни слова, но во взглядах таилось столько боли, что мне захотелось повернуть время вспять. Это не наша земля. Не наш дом. У нас нет права на ее души.

Молчание затянулось, затем императрица снова исчезла за занавесью, а ее спутник принялся яростно ворошить огонь, рассыпая искры. Он подбросил новое полено и задал Тору какой-то короткий вопрос, на что тот покачал головой. Будучи уверен, что Тор вот-вот снова заведет разговор о возвращении домой, я отставил в сторону кружку с водой и опробовал ногу. Она болела, кожа натягивалась при каждом движении. Я стиснул зубы. Движение – это свобода, и, как говорил гуртовщик Сассанджи, только свободные могут быть мудрыми.

На лестнице загрохотали шаги, и мы трое напряглись, не сводя глаз с двери. Вошел кисианец в плаще и с каким-то ящиком в руках, Тор и спутник императрицы расслабились. Обменявшись с ними парой слов, человек поклонился и вышел.

– Кто это был? – спросил я.

– Хозяин дома. Они называют его дровосеком.

- Дровосеком?
- Видимо, это его работа. Рубить дрова.
- Для костров? Но...

Я хотел спросить зачем, но вспомнил, что кирианским городам, где нельзя вырастить пищу или деревья, приходилось полностью полагаться на поставки извне. Как и городам-государствам, но люди все же хотели в них жить, теснясь внутри стен, как орехи в корзине.

Из отдельной занавесной комнаты вернулась императрица Мико. Она казалась беспокойной, перебрасывалась со своим спутником короткими словами и раздраженно поглядывала на нас.

– Ты поблагодарил ее за помощь? – спросил я, отвлекая внимание Тора от дырки на штанах, которую он ковырял. – Она выглядит рассерженной.

- Они ехали на восток и переживают, что теряют время.
- Скажи, что теперь я справлюсь сам и они могут ехать дальше.

Тор покачал головой.

– Не думаю, что они здесь только из-за тебя. Они говорят незаконченными предложениями, но все-таки я думаю, что им больше некуда идти.

Императрица без империи. Как ей, должно быть, ненавистно даже смотреть на нас.

Что бы она ни испытывала по отношению к нам, императрица Мико со своим спутником дважды осмотрели мою рану до наступления вечера, не считая постоянное наблюдение за мной Тора достаточным. Тот закатил глаза, но, похоже, решил не злить наших хозяев. Они сварили еще риса и позволили мне съесть столько вяленого мяса, сколько смогу, и ко мне потихоньку стала возвращаться жизнь. Однако боль будто засела в костях. От истощения я постоянно засыпал и никак не мог вспомнить, каково это – существовать без глубокой боли разорванной плоти.

Большую часть времени мы сидели молча, лишь изредка мои спутники перебрасывались сдержанными словами вперемешку с гримасами. К закату дождь утих, и императрица взяла лук и вышла во двор, нарушив тишину вечера ритмичным звоном тетивы и стуком стрел. Со своего места у стены я не видел ее, но слушал, как быстро и точно она натягивает лук, и сомневался, что смогу ее превзойти.

– Завтра посмотрим, получится ли у тебя усидеть верхом. – Тор снова вернулся к разговору о будущем, будто расчесывая болячку. – Лагерь не может быть далеко, а Дзиньзо сделает все сам.

В левантийском лагере набраться сил будет намного легче, поэтому я согласился, но попросил принести воды, прежде чем Тор успеет затронуть тему возвращения домой. Несомненно, скоро он заметит мое нежелание говорить об этом, но пока мальчишка без возражений вскочил и, перебросив собранные в хвост волосы через плечо, пошел к дождевой бочке с кружкой в руках.

Он должен был вернуться через несколько секунд, но прошли минуты. Под настороженным взглядом спутника императрицы я проковылял к двери. На обратном пути от бочки с водой Тор замер с полной кружкой в руке. Его глаза были прикованы к императрице, выпустившей одну за другой десять стрел в трухлявую стену дома. Затем она пошла выдернуть их, ничем не выдавая, что заметила наши взгляды.

– Она вполне может потягаться с самыми лучшими нашими лучниками, – сказал я. – По крайней мере, стреляя с земли. Если сумеет повторить это в седле, я буду впечатлен.

Тор вздрогнул и отвел взгляд.

– Прости. – Он посмотрел в кружку, как будто удивляясь, что там уже есть вода, и протянул мне. – Я отвлекся.

– Мысль о том, что она может всадить по стреле в глаз нам обоим за одно мгновение, и правда очень отвлекает.

Он тряхнул головой, сдерживая улыбку, и отвернулся.

– Если бы только они так же высоко оценивали наши умения.

К ночи спутник императрицы разложил четыре затхлых матраса, один в отгороженной занавеской комнате для нее и три в главной комнате для нас. Даже небольшие передвижения, которые я заставил себя сделать, утомили меня сильнее, чем я думал, и я мгновенно уснул.

Проснувшись от боли или чего-то еще, я услышал шепот. В главной комнате было темно, рядом со мной, как пес у огня, свернулся Тор, но кирианец отсутствовал. Я перекатился, чтобы видеть занавеску другой комнаты. По краям плотной ткани пробивался свет, а за ней шорохом песка на ветру шептались голоса. Из любопытства я мог бы разбудить Тора, но голос императрицы превратился во всхлип. Я замер, слушая утешающее бормотание ее спутника, и почувствовал укол вины. Глупый, смехотворный укол, сказал я себе, учитывая, как мало мы могли повлиять на завоевательный поход чилтейцев, но тем не менее я чувствовал вину.

Я долго лежал, глядя в потолок и слушая горе, так не похожее на мое и одновременно абсолютно такое же.

* * *

Утром, когда императрица Мико пришла осмотреть мою рану, я не мог встретиться с ней взглядом. Как бы яростно она ни хмурилась, я не мог забыть ее печаль.

Она отодрала присохшую повязку, игнорируя мою гримасу. Ловкие пальцы проверили шов, но не сделали и попытки промыть рану.

– Нужна соленая вода, – сказал я, и она посмотрела так, будто удивилась тому, что я могу говорить. – Я сделаю все сам, если принесете ее мне.

Она перевела взгляд на Тора, и тот перевел.

Закончив, он добавил на левантийском:

– Мне пришлось несколько раз повторять, что это необходимо. Как будто они никогда раньше не промывали раны. Может, так и есть. Она определенно никого раньше не зашивала.

– Удивительно, учитывая, как ловко она это сделала.

– Она умеет шить, но только не кожу.

Императрица переводила взгляд с меня на Тора, и озабоченная складка на лбу впервые выдала брешь в ее уверенности. Тор вздохнул.

– Я согрею немного воды, пока горит огонь. Хорошо, что хотя бы дождь кончился.

Утро вышло туманным и серым, и все надежды увидеть солнце быстро угасли. Не успели мы с Тором промыть мою рану, как по крыше снова застучал дождь. Он продолжался до обеда, пока я дремал, просыпался, ел все, что мне давали, и чувствовал, как в тело медленно возвращается жизнь. Тор решил, что я еще слишком слаб для отъезда, но принес из конюшни утешительный отчет о Дзиньзо и заверил меня, что вскоре мы будем вместе со своим народом.

Большую часть времени императрица и ее спутник держались особняком, и все вчетвером мы представляли собой унылую группу, где каждый был погружен в собственные мрачные мысли.

Пока пелену дождя не разорвал крик. Мой взгляд метнулся к двери. Уж слишком хорошо я знал разницу между вскриком удивления и воплем от боли. И топот копыт. Он усиливался под барабанную дробь дождя, затем ритм нарушился, замедляясь и нарежая круги.

Императрица Мико встала с луком в руках. Ее телохранитель последовал за ней. Оба уже были у двери, прежде чем я успел заговорить или вспомнить, что от левантийских слов все равно не будет толку. У меня не было оружия, но я с трудом встал и захромал за ними со всей скоростью, на какую была способна раненая нога.

– Что это? – спросил Тор с охотничьим ножом в руках. – Лошади?

– Это она! – донесся крик – крик, который я понял, поскольку по двору кружили три лошади, а четвертая стояла у сарая, нога ее упавшего всадника запуталась в стремях. Императрица снова натянула тетиву. На ступенях перед ней ее телохранитель обнажил меч.

– Стойте! – крикнул я, держась рукой за дверной косяк.

Лица левантийцев скрывала буря, но их головы повернулись, когда еще одна стрела из черного лука пролетела на волосок от беспокоившейся лошади.

Как только императрица вытащила следующую стрелу, я схватил ее. Императрица оскалится и выдернула руку, но на мгновение воцарился хрупкий мир, и она не стала стрелять снова.

– Рах э’Торин? – донесся сквозь дождь голос. – Теперь уже дважды предатель?

– Предатель? Да никогда для тех, кто живет по законам чести. Зачем вы здесь?

Говорившая медленно подвела свою лошадь ближе, открыв смутно знакомое лицо, но имя я вспомнить не мог. Она указала на императрицу:

– Она. Император Гидеон ее требует.

– Мертвую? – спросил я, хотя ответ не имел значения.

Я достаточно узнал об императрице Мико, чтобы понимать – добровольно она не пойдет. Хрупкий мир уже трещал по швам, натянутый, как тетива лука императрицы.

– Какая тебе разница? – усмехнулась женщина. – Собираешься помешать нам? Каким бы ни был приказ, в нем точно ничего не говорилось про сохранение твоей жизни.

Тор протолкнулся мимо меня под дождь.

– Рах стоит десяти Гидеонов, – крикнул он. – Что это за левантиец без чести? Левантиец, который забывает, кто мы такие?

– Не знаю, но даже из кастрированного карлика выйдет предводитель лучше, чем из тебя, незаклейменный сопляк.

– Слезай с коня и скажи это еще раз, – зарычал Тор, его ладонь сжималась и разжималась на рукояти охотничьего ножа.

– Тор, – окликнул я, – это наши люди, они...

– Это не мои люди.

Он прошел мимо императрицы, которая переводила взгляд с меня на всадников и обратно, теребя оперение еще одной стрелы.

Всадница, которой был брошен вызов, соскочила с лошади, обнажая перед Тором обе сабли. У него все еще были длинные волосы седельного мальчишки, но он давно перешел возраст посвящения. Он был истинным Клинком Торинов и не дрогнул перед лицом врага. Врага, в котором текла та же кровь.

– Тор, не надо! – крикнул я, но он не обернулся.

Императрица спустила тетиву. Стрела воткнулась в плечо предводительницы левантийцев, откинув ее назад. Прежде чем она сумела восстановить равновесие, Тор бросился на нее. Не обращая внимания на смертоносные изогнутые клинки, юноша атаковал, врезавшись плечом в живот противницы. Они повалились в грязь клубком из рук и ног, стали и дождя.

Когда левантийка развернулась для атаки, над ее ухом просвистела еще одна стрела. Телохранитель императрицы шагнул вперед, и все превратилось в залитый дождем кошмар. Он уклонился от первого удара, но второй клинок рассек его руку, разбрызгивая кровь. Он пошатнулся, но вытащил кинжал, пока левантийка делала круг для новой атаки. Лошадь неслась к нему, взбивая копытами грязь. Он шагнул влево, затем вправо, изображая нерешительность, но крепко держал кинжал до самого последнего момента – момента, когда он глубоко погрузил его в шею лошади. Хлынула кровь, колени лошади подогнулись, сбрасывая всадницу.

Все это время я не шевелился. Передо мной висел меч императрицы Мико, я мог дотянуться до рукояти. Мог взять его. Мог сражаться. Но за кого? За свой народ? Или за тех, кто ничем не заслужил опустошение, которое мы принесли на их земли?

Я должен был выбрать, но не выбирал. Не мог. Ни когда атаковал второй всадник. Ни когда его клинок разрубил бок телохранителя императрицы. Ни даже когда она сама с криком обнажила меч, который я не взял, и ринулась в дождь.

Второй всадник спрыгнул с седла прямо перед ней, собираясь захватить ее невредимой. Если он надеялся на легкую добычу, то взамен получил атаку яростного воина.

Тор приколот их предводительницу к земле, но я не мог отвести глаз от карающей силы императрицы Мико, теснившей своего врага удар за ударом и не заботившейся о собственной защите.

Загнанный в противоположный угол двора левантиец увернулся и побежал к лошади. Императрица не пустилась в погоню. Бросив меч, она взяла лук и натянула тетиву.

– Нет!

Даже если бы она услышала меня, даже если бы поняла, я все равно опоздал. Стрела воткнулась в спину Клинка, он упал лицом в грязь и задергался.

На мгновение все потрясенно замерли. Левантийцы Гидеона были мертвы или умирали, а я не сделал ни шагу. Тор, тяжело дыша, стоял посреди двора, когда императрица с криком бросилась к своему спутнику.

Она опустилась на колени, бессвязно бормоча и глядя его по груди, ее голос превратился во всхлип, и она жестом указала на дом. Покрытый грязью и кровью Тор послушно метнулся внутрь.

На негнущихся ногах я поковылял к ней. Она смогла усадить своего спутника и что-то быстро говорила, руки ее двигались еще быстрее, пытаясь остановить кровотечение.

– Нужно занести его внутрь. – Я жестом указал на дом, откуда снова выбежал Тор. – Внутрь, – повторил я. – Помогите мне.

Тор кивнул и наклонился, чтобы телохранитель мог взять его за шею. Сжав зубы, я попытался подставить плечо, но императрица оттеснила меня. Повиснув между ними, телохранитель вскрикнул, когда его наполовину понесли, наполовину поволокли к крыльцу. Они неуклюже затащили его внутрь – две темноволосые головы, склонившиеся над общей задачей, а руки соединялись на его заляпанной грязью спине.

Внутри они положили раненого, и императрица принялась кинжалом срезать одежду. Тор уже кипятил воду над огнем, применяя свои навыки, полученные в ученичестве у целиителя. Все седельные мальчишки и девчонки учились основам этого ремесла. Я уже все подзабыл, но Тор ловко готовил полоски льна, пока императрица занималась своим делом.

Вскоре показалась рана, кровавое месиво от бедра до подмышки. Кажется, ребра смягчили удар по торсу, но нижней части не так повезло. Между трясущимися руками императрицы сочилась кровь. Я встретился взглядом с Тором. Мы оба видели такие раны – этого не избежать, если твое предназначение сражаться и умирать за твой гурт, – но никогда не видели, чтобы кто-нибудь поправился. Настойчивость и хороший уход часто позволяли раненым продержаться некоторое время, но даже Йитти не смог бы вылечить такое.

Императрица опустила льняную ткань в горячую воду, но каждый раз, когда она смывала кровь, выступало еще больше. Она что-то сказала, Тор покачал головой в ответ. Она жестом указала на иглку и нитку, и снова он покачал головой. Она повысила голос, из глаз лились слезы, я не мог на это смотреть. Не мог стоять, погрузившись в ее удушающую надежду.

Решив поискать убежища в традициях, я вышел наружу и опустился в грязь рядом с ближайшим телом, игнорируя обжигающую боль в бедре и тяжесть измученных суставов.

Я вытащил клинок из-за пояса мертвого левантийца. Рукоять была не по руке, его голова казалась слишком тяжелой. Я не узнал его, но на затылке гордо красовалось клеймо не то рода Яровен, не то Охт. Без краски различить их было трудно. Кто-то из людей Дишивы? От этой мысли меня затошнило, я сглотнул и сделал первый разрез. На мокрую землю потекла кровь. Лучше не смотреть. Лучше не думать. Просто предоставить все моим опытным рукам.

Покончив с одним, я перешел к следующей – той, с которой сражался Тор. Он должен был сам отрезать голову, но занимался спасением жизни, а я мог хотя бы спасти души. Краешком сознания я улавливал, как Тор горячится, что-то доказывая Мико. Я вонзил клинок в горло женщины. Тор превратил ее тело в месиво, снова и снова втыкая кинжал в грудь, руки и живот – всюду, куда мог выпустить ярость. Ярость, взявшую верх над уважением.

С каждым телом дело продвигалось все медленнее, руки устали, ноги обжигало болью. Но я не мог оставить их души здесь, поэтому работал, сколько бы времени на это ни требовалось, сколько бы мне ни пришлось страдать. В глубине души я знал, что заслужил это. Что я – мальчишка, который сбежал.

Шея третьей левантийки была тоньше остальных, а у четвертой она была сломана. Ее лошадь валялась в грязи как мешок мяса. Может, для большинства людей так оно и было, но для нас кони – это жизнь. Свобода. Все. Славная душа этой лошади сбежала из сломанного тела, чтобы скакать по полям духа, и, работая над телом ее хозяйки, я пел песню, чтобы указать коню путь домой.

К тому времени, как я закончил с четвертой головой, из дома вышел Тор и стал рыться в седельных сумках левантийцев в поисках припасов. Мы не разговаривали, я складывал головы в центре двора, двигаясь так медленно, что Тор закончил свое дело намного раньше меня.

Собрав все, я пошел в дом дровосека, поискать мешок или ящик. Там, у открытой двери, я нашел тело. Дровосек с топором в руке лежал лицом вниз в грязи, на затылке зияла дыра. Рядом скорчилась его жена, дождь смешивался со слезами, текущими по ее щекам.

Едва успев подумать, я вынул нож и, упав коленями в грязь, перекатил покойника себе на колени. Женщина заговорила, ее слова значили для меня так же мало, как дождь, падавший на промокшую кожу. От первого разреза брызнула кровь. Я отрезал достаточно кирианских голов и знал, что их кровь не отличается от нашей. После жизни мы все одинаковые, одинаково хрупкие. Сейчас живые, через мгновение мертвые, и вес одной души в мире неуловим, как воробей.

Женщина опять что-то говорила, всхлипывая, пока я разрезал мышцы, кожу и сухожилия зазубренной кромкой клинка. Руки болели, рана горела, но я должен был закончить. Еще одна голова, и я смогу отдохнуть.

Кто-то отпихнул меня, но, придавленный мертвым телом, я не упал. Надо мной стояла императрица Мико Ц'ай, скалясь так же яростно, как ее драконья маска. Ее руки запятнала кровь, она что-то быстро говорила, показывая на мертвого дровосека и его жену. Не в силах понять ни слова, я продолжил свою работу.

Прижав грязную ногу к моему плечу, она толкнула меня, и я упал, клацнув зубами.

– Его душу нужно вернуть миру! – сказал я, вытирая с лица грязь.

Она что-то кричала, бешено жестикулируя.

– Тор! Тор! – позвал я, и через мгновение мальчишка появился. Его губы были сжаты в мрачную линию. Я указал на тело дровосека. – Скажи ей, что я должен это сделать, чтобы его душа не оказалась заперта. Даже кирианца нельзя оставлять здесь.

Когда Тор заговорил, императрица наконец перестала кричать, но от его слов ее лицо не смягчилось. Она что-то ответила, и лицо Тора залилось краской.

– Она говорит, это варварство. Говорит, что ты... бесчестишь этого человека, калеча его тело.

– Это честь, – сказал я, обращаясь прямо к ней, а не к Тору. – Ты сказала, что мы не понимаем чести, но ты ошибаешься. Для нас это честь. Мы отпускаем души мертвых, чтобы они могли родиться вновь. Я делаю это из уважения.

Тор переводил, и когда он закончил, она прищурилась.

– Он уже мертв, – сказала она голосом Тора. – Его душа уже ушла. Оставь его.

– Не могу. Я...

Она прервала меня парой коротких слов, и Тор сказал:

– Она говорит, ты расстраиваешь его жену.

Плачущая женщина раскачивалась туда-сюда, по лицу и молчаливо раскрытому рту стекал дождь. Ужас камнем упал мне в живот, когда я осознал – она горюет не только о потере мужа, но и о том, что я делаю.

Императрица снова заговорила.

– Она хочет провести похоронный обряд, – сказал за нее Тор. – Она хочет омыть тело мужа и положить, она хочет...

– Но... Но его душа будет бродить неприкаянной!

– Пусть так. Мертвые мертвы. Живым надо оплакивать их на свой лад, ведь это они остались здесь.

Мои окровавленные кулаки сжимались и разжимались, каждый сустав болел. Таков был наш обычай. Так мы освобождали души, чтобы они могли переродиться. Но как мне объяснить, что застрявшие здесь души цепляются к тем, кто остался?

Императрица подняла брови, ожидая, рискну ли я продолжить.

Я не пошевелился, и Тор огласил ее приговор.

– Вы приходите на нашу землю и убиваете наших людей. Вы уродуете их тела, просили они вас о том или нет. И после всех этих ужасов вы смеее называть это честью? Положи нож. Сейчас же.

Глава 6

Дишива

Скакать за шелковым ящиком госпожи Сичи было раздражающе скучно. Ее носильщики двигались чуть медленнее привычного шага Итагая, и ему приходилось постоянно останавливаться и ждать. Птафа, ехавший рядом со мной, похоже, не слишком страдал, а два Клинки впереди пытались задавать носильщикам темп побыстрее, но не преуспели. Рядом с шелковым ящиком ехала Нуру, единственная седельная девчонка Торинов, научившаяся кирианскому – не у чилтейских командеров, как прочие, а общаясь с рабынями в лагерях. Я не понимала, что она говорит, но она постоянно болтала с невидимой дамой, будто с подружкой.

Может, я бы легче переносила это медленное путешествие, если бы не Лео Виллиус, чье имя вечно присутствовало в разговорах. Как и госпожа Сичи, он ехал в Когахейру в окружении левантийцев, но я до конца не понимала, кого мы защищаем – его или себя.

Нужно было убить его, как только он шагнул в ворота, но священник самого высокого ранга предложил себя Гидеону в заложники, сказав, что такова воля его бога, и Гидеон согласился. Воткнув нож в плоть Лео один раз, он, похоже, не хотел повторять это снова. Какова бы ни была причина, но Лео Виллиуса добавили к моим обязанностям, и каждый раз, оглядываясь назад, я вспоминала, как некогда его охранял Рах и в итоге сбился с пути.

Я смотрела прямо вперед, игнорируя жжение в затылке.

– Птафа, ты помнишь кукольные представления, которые давали миссионеры в нашем детстве?

Он склонил голову набок.

– Смутно, капитан. А что?

– Они рассказывали истории из своей священной книги, за много лет до того, как все пошло наперекосяк. Была там одна история о том, как бог возвращал человека из мертвых. – Я подавила желание посмотреть на Лео. – И с каждым возвращением все больше людей верили, что тот человек особенный, избранный, и наконец вера стала так сильна, что он превратился в бога. Помнишь ее?

Птафа покачал головой, но я помнила кукол очень живо. Я забыла миссионеров, забыла детей, с которыми смотрела представление, но вот куклы... Возрожденный – Вен? Вент? Вельд? – носил безликую маску, которая вроде бы обозначала его принадлежность к священникам, но кусочки обсидиана вместо глаз выглядели такими реальными, так опасно блестели, высекая предупреждение на моей душе. Кукла, которая раз за разом убивала избранного, была грубая, грязная и покрытая мехом, будто застряла где-то между человеком и медведем, а бога представлял красиво расписанный бумажный фонарь. Такой же фонарь поменьше в конце прикрепили к голове возрожденного, после того как он вернулся достаточное количество раз, чтобы самому стать богом, исполненным силы избавить свою родину от всех, кто пришел завоевать ее.

– Там были жуткие куклы, – сказала я. – Страшнее, чем обычно, с... обсидиановыми глазами, в белых-пребелых одеяниях. Интересно, как они сохраняли белизну в степях.

Похоже, Птафа не имел мнения по этому вопросу и ничего не ответил. Я почесала затылок, ощущая присутствие Лео позади нас.

– Думаешь, он правда восстал из мертвых?

Неразговорчивый Клинок пожал плечами.

– Мы верим в перерождение.

– Души, не тела. И только если душу подобающим образом освободят для богов.

Лео Виллиус такой чести не удостоился.

– Наверное.

Я сдалась и отважилась оглянуться. Лео ехал в окружении восьми моих Клинков. Он встретился со мной взглядом, глаза мерцали сквозь прорези маски. Я подавила дрожь и отвернулась, пообещав себе никогда не оборачиваться снова.

Во второй половине дня сквозь дождь и туман на горизонте показалось темное пятно Когахейры. Моего воображения не хватало, чтобы предвидеть размер города, армии и даже интенсивность дождей, и мое представление о Когахейре оказалось до смешного неверным. Намного меньше обеих столиц, город все же был больше всего, что мы видели. Сердцевину из теснившихся друг к другу домов окружали огороженные стенами поместья. Каждое из них само по себе было небольшим городом, с громадным главным зданием и флотилией домов поменьше, зажатых в оберегающем круге стен.

В самом крупном городке из стен, подобно рогам, вырастали две каменные башни, будто заявляющие свое право собственности на все, что их окружало. Поместье принадлежало кисианскому вельможе, а теперь стало нашим домом, местом, где Гидеон сможет построить свою империю. Другие поместья приютят союзников Гидеона, и остатки военного лагеря тоже будут использованы. Я не до конца понимала свои чувства, слушая планы, но теперь, увидев все это вживую, ощутила, как внутри прорастает надежда. Если кто и мог справиться с такой задачей, то только Гидеон. За эту надежду стоило держаться, ведь иначе мы вынесли столько страданий впустую. Без нее у нас ничего не было. Мы были ничем.

* * *

Покои госпожи Сичи в главном доме были роскошными, или мне так показалось, хотя она сама оглядывала их критическим взглядом. С ней постоянно будет охрана и еще три кисианские помощницы в дополнение к Нуру, но три ее комнаты с легкостью могли вместить всех. Тем не менее госпожа Сичи указывала на разные предметы, и служанки бросались двигать экраны, сундуки и столики, пока в конце концов она не объявила ситуацию приемлемой.

– Если госпожа Сичи наконец устроилась удобно, я займусь другими своими обязанностями, – сказала я, обращаясь к Нуру. – Передай ей, что возле двери всегда будут находиться двое Клинков и по желанию гуртовщи... его величества они также будут сопровождать ее, куда бы она ни пошла.

Нуру произнесла несколько коротких фраз на кисианском, и я, как всегда, поразились беглости ее речи. По крайней мере, для моих ушей. Может, кисианцам ее слова казались мяуканьем кошки, которой наступили на хвост.

– Она говорит, что для нее это приемлемо, – перевела Нуру, в то время как дама разглядывала меня неприятно-проницательным взглядом. – Но когда ты освободишься, госпожа Сичи хочет, чтобы ты пришла выпить с ней чаю.

Мало чего в этой жизни мне хотелось бы меньше, но под этим пристальным взглядом летучей мыши я смогла только кивнуть и попросить позволения уйти. Но прежде чем я успела сбежать, кто-то постучал в дверь.

– Капитан?

В дверях неуклюже переминался Птафа, казавшийся гигантом по сравнению с низким проемом.

– Да, что случилось, Птафа?

– Лео Виллиус, капитан. Куда... куда нам его поместить?

Мне хотелось ответить: «В какую-нибудь дыру», но Гидеон приказал обращаться с Лео уважительно, пока мы не поймем, как его можно использовать.

– В... комнату? Ему понадобится... четыре стражника постоянно и...

Госпожа Сичи перебила меня на кисианском, и все взгляды обратились к Нуру. Та неловко поежилась.

– Она спрашивает, почему у чилтейского священника будет больше охраны, чем у вашей... вашей будущей императрицы.

Как мне признаться в том, что я боюсь священника? Что от этого бледного человека с мягкими манерами кровь стыла в жилах безо всякой причины, кроме той, что он вообще не должен был существовать?

– Если она хочет больше стражи, пусть будет шесть, – сказала я резче, чем хотелось бы. – Двое снаружи под окнами, двое в коридоре и по одному в каждой комнате. Я прослежу за этим, а пока нужно найти кровать для ходячего мертвеца.

В горячке позабыв о протоколе, я сделала приветственный жест, будто она наш гуртовщик, и повернулась, чтобы уйти с Птафой, прежде чем госпожа Сичи успеет меня остановить.

Но едва не развернулась обратно – в коридоре стоял Лео Виллиус, окруженный левантийцами.

– Ах вот ты где, капитан Дишива, – сказал он в своей мягкой манере. Левантийские слова всегда странно звучали в его устах. – Боюсь, никто не знает, что со мной делать. Может, ты сумеешь прояснить, гость я или пленник. Так будет проще направить твоих Клинков в нужное место.

– Не тебе направлять моих Клинков, – отрезала я. – Если бы это зависело от меня, ты сидел бы в камере, но нам придется найти тебе умеренно уютную комнату.

Он тронул кулон на шее, благодаря своего бога.

– Ты мне нравишься, Дишива. Говоришь что думаешь, а это редкая черта.

– Только тем, кто мне не нравится.

– То, что ты честна с людьми, которые тебе безразличны, и притворяешься с теми, кто тебе дорог, – большая трагедия. – Слова кинжалом вонзились в сердце, но он обвел рукой коридор, будто болтал о пустяках. – Кажется, здесь много комнат. Твои Клинки, несомненно, смогут найти для меня самую неудобную.

– Да, смогут, но не думай, что разгадал меня, священник.

Лео выгнул брови.

– Я не гадаю, а знаю точно. Ты хочешь все контролировать, что неудивительно, учитывая обстоятельства. Однако нам подвластно очень мало, мы просто листья, которые уносит потоком жизни. Наша цель не сражаться с ним, а стать единым с тем, что назначил нам Бог. Ты можешь контролировать лишь свою способность любить и благодарить его за эту жизнь и цель.

Он хотел уйти, но я схватила его за руку.

– Как ты выжил?

– Моя задача не выполнена, и Бог вернул меня обратно.

– В совершенно новом теле, которое выглядит точно таким же, как предыдущее.

– Учитывая, что вы сделали с предыдущим, вряд ли оно может быть точно таким же.

Он говорил любезно, но во мне шевельнулся стыд. Птафа переступил с ноги на ногу.

– Как ты можешь знать, что мы сделали? – спросила я, вызываясь глядя ему в глаза.

– Душа покидает тело не сразу. – За его улыбкой промелькнула боль. – У человека бывает достаточно времени, чтобы узнать свою судьбу. Прожить ее. Но, в отличие от отрезанной головы, которую я с гордостью показывал твоему другу, я бы с радостью никогда больше не видел этого тела.

От его боли мой стыд стал еще глубже, но я нахмурилась, чтобы не выдать этого. Что бы мы ни сделали, он не заслуживал ни раскаяния, ни извинений. Этот человек сбил Раха с пути. Он собьет с пути всех нас.

– Я бы с радостью никогда больше тебя не видела.

Мы намеренно не стали отрезать ему голову, чтобы он не смог переродиться, но вот он здесь, улыбается мне в пыльном коридоре поместья неподалеку от Когахейры.

– Это печально, поскольку мне нравится твое общество, – ответил он. – И мне еще многое нужно сделать, чтобы завершить свою миссию.

Он хотел уйти, но я схватила его за грудки и дернула обратно.

– Не знаю, что ты задумал, – прошипела я ему в лицо, – не знаю, зачем ты воскрес, но, если причинишь вред кому-то из моих людей, если задуришь Гидеону голову так же, как Раху, я проверю, сколько у твоего проклятого бога припасено для тебя тел, понял меня?

Он не дрогнул, и от одного этого мне захотелось его ударить.

– Да. Я понимаю намного больше, чем ты, достаточно, чтобы предупредить тебя – будь осторожней с угрозами.

– Или что? – фыркнула я. – Убьешь меня?

– Конечно, нет. Бог призывает меня не к этому. Я набожный человек, капитан, и не желаю никому зла. Но не все мои единоверцы обладают таким же характером. Я готов умереть за свою веру, а другие готовы за нее убивать, и они повсюду. Даже там, – он обвел рукой пустой коридор, где тяжелые балки давили не меньше, чем темные облака снаружи, – где этого меньше всего ждешь.

Я сжала кулак покрепче.

– Это угроза?

Ткань вороты врезалась ему в шею, но Лео лишь недоверчиво распахнул глаза.

– Нет! Нет, вовсе нет. Это лишь предупреждение, чтобы ты случайно не разозлила людей, которые считают, что за меня можно убить.

Презрительно фыркнув, я выпустила его, и он едва не упал на Птафу.

– Я тебя не боюсь.

– Хорошо. Я бы хотел быть твоим другом, а не врагом, Дишива. Наверное, я здесь единственный человек, кто скучает по Раху так же, как ты.

Я почувствовала, как внимательно наблюдают за нами Клинки, снова фыркнула и махнула им идти вперед.

– Пошли, найдем какое-нибудь место, куда засунуть это тело.

* * *

Когда все наконец как-то устроилось, Гидеон созвал собрание в своем новом императорском зале. Меня поразило, что среди нас оказались и кирианцы. Разглядывая присутствовавших, я напомнила себе, что они теперь – часть нашего будущего.

Кроме меня и Гидеона в зале находилось еще десять левантийцев, и, кажется, кирианцев это тревожило. Многие поглядывали на наших капитанов, будто ожидая нападения. Здесь были капитаны от каждого изгнанного гурта: Атум э'Яровен, мой Первый Клинок, Йисс эн'Охт, прожившая здесь почти столько же, сколько Гидеон, и яростно ему преданная, спокойно-хмурые Менесор э'Кара и Тага эн'Окча, новички Бан э'Беджути и Лина эн'Инжит, Дхамара э'Шет, как и многие левантийцы названная в честь известной детской сказки, и Лашак э'Намалака, с которой мы постепенно подружились во время пути. Она слегка улыбнулась, выражая нашу общую неловкость.

Ни Сетта, ни Йитти, а значит, за Торинов будет говорить сам Гидеон. Нас дополняли два переводчика, у обоих были длинные волосы, но лишь один выглядел достаточно молодо для этого. Ошар э'Торин, видимо, был самым молодым из тех, кого изгнали с Гидеоном, на его подбородке лишь слегка пробивался мягкий пушок, в то время как Матсимелар э'Торин мог похвастаться густой щетиной. В отличие от большинства Клинков, он был щуплый. Годы, проведенные за изучением слов, не помогли ему нарастить мышцы.

Оба переводчика выглядели напряженно. Как и пятеро присоединившихся к нам кирианцев. У каждого из них имелась какая-нибудь разновидность лохматой бородки, длинных завязанных сзади волос, ярких дорогих шелков и горделивого вида. Я знала по имени только одного – человека в двухслойном синем одеянии, с безмятежным лицом державшего руки сцепленными за спиной. Это был дядя госпожи Сичи, светлейший Бахайн, наш самый сильный союзник.

Человек, которого не стоило злить.

Выйдя в центр, Гидеон раскинул руки и улыбнулся, заговорив сначала на кирианском, затем на левантийском.

– Добро пожаловать на первый объединенный совет Левантийской Кисии. Работая вместе как Ладонь, мы построим новую империю для всех нас. День был долгим, поэтому мы обсудим на совете наши ближайшие планы. – Он мягко выделил слово «наши» и оглядел присутствовавших. Для левантийцев непривычно держать совет стоя, и, глядя на переминавшихся кирианцев, я задалась вопросом, как обычно проводят встречи они и не пытается ли Гидеон найти нечто среднее. Когда он начал следующее предложение, на левантийском, я уже была в этом уверена. Он балансировал на очень тонкой грани.

– Во-первых, должен вам сообщить, что императрица Мико до сих пор не найдена.

После того как Гидеон повторил это на кирианском, в круг вышел светлейший Бахайн и заговорил, по-прежнему держа руки за спиной, будто опасаясь, что жестикация выдаст какие-то его тайны. Матсимелар начал переводить со своего места в углу комнаты.

– Полностью обыскав город, мы не нашли и следа ее, что стало... было неожиданно, – молодой человек откашлялся, – учитывая стражу на воротах. Однако в городе есть туннели, и она могла выбраться переодетой. Несмотря ни на что, мы ее найдем.

– Почему так важно ее найти? – спросил мой Первый Клинок в своей обычной спокойной манере.

Ошар перевел это на кирианский, но прежде чем закончил, на Яровена хмуро посмотрела Йисс эн'Охт.

– Потому что трон только один, и мы хотим, чтобы наш император продолжил сидеть на нем, по возможности не сражаясь.

Ошар указал на нее, чтобы обозначить говорившего, и начал переводить. Йисс ошетичилась, но такова ныне была цена общения.

– И что случится, когда ее найдут? – спросила Лашак, и вперед выступил кирианец, стоявший рядом со светлейшим Бахайном. Его одеяние, в остальном похожее на другие, доходило только до колен, открывая свободные штаны. Вместо обычного кушака он носил пояс с мечом из хорошей стали.

– Проще всего было бы убить ее, как любого свергнутого правителя, – произнес он устами Матсимелара. Похоже, Матсимелару полагалось переводить с кирианского на левантийский, а Ошару наоборот. – Но в случае с императрицей Мико есть смысл правильно выдать ее замуж.

– Она стала бы идеальной женой для императора, – сказал еще один кирианец с противоположной стороны круга. – Кисия издавна закрепляла новые союзы политическими браками.

Едва закончился перевод, как перед ним уже стоял светлейший Бахайн.

– Да, но ты забыл, что император Гидеон женится на моей племяннице, госпоже Сичи, именно по этой причине. Тем не менее для императрицы Мико можно найти применение. – Он повернулся и оглядел круг собравшихся. – И мы ее найдем. Я достаточно знаю о тех, у кого она могла бы укрыться, так что это лишь вопрос времени. Более серьезную опасность представляет мальчишка к югу от реки, называющий себя наследником императора Кина. Похоже, ему присягнула южная армия.

– Я слышал об этом, – произнес кирианец, которого я про себя стала называть Штаны, положив ладонь на рукоять меча. – Принц Дзай. События, происходившие в Мейляне перед

падением города, не совсем ясны, но, насколько я могу судить, это правда. Мальчишка действительно внебрачный сын старого императора.

Перевод завершился под всеобщее бормотание, несколько левантийских капитанов обменялись недоверчивыми взглядами.

– Хотите сказать, что этот человек не император, а сын императора? – хмуро спросила Тага эн’Окча.

Светлейший Бахайн слегка поклонился ей.

– Это одно и то же, капитан. Права на императорский трон обычно передаются от отца к сыну, эта традиция нарушается лишь завоеванием.

– Какой глупый способ выбирать предводителя.

– Исходя из того, что нам известно, с какой вероятностью он нападет на нас? – вмешался Гидеон прежде, чем Ошар успел перевести колкость.

Продолжая наигранно улыбаться, светлейший Бахайн покачал головой.

– Мы мало знаем о нем, ваше величество. Похоже, он еще ребенок, и потому вряд ли распоряжается самостоятельно, но кто имеет на него наибольшее влияние, сказать сложно.

– В любом случае вряд ли нападение случится раньше, чем растает снег, – заметил Штаны, продолжая держать руку на рукояти меча. – В такую погоду сражаться трудно, а они сейчас в безопасности к югу от Цыцы.

– Мальчишка, – фыркнула Тага.

Ошар мудро решил не переводить ее слова, но кирианцы все равно нахмурились.

– Мальчишка на другой стороне реки не должен сейчас нас беспокоить, – сказал Гидеон. – В отличие от чилтейцев, которые находятся на этой стороне.

При упоминании чилтейцев все левантийские капитаны слегка напряглись, будто готовясь к бою, а Лашак даже схватила за одну свою саблю.

– Они должны заплатить за то, что сделали с нами.

Светлейший Бахайн снова шагнул вперед, смыкая круг чуть плотнее.

– Мы разрушили все вспомогательные лагеря чилтейцев, – сказал он через Матсимелара. Глаза юноши заблестели. – Чилтейцев больше нет в Кисии к югу от Коя, который они продолжают удерживать, и атаковать город было бы... неразумно.

– Тогда мы нападём на их города.

Слова Лашак встретили одобрительным гулом, но ничто не могло поколебать чувство превосходства светлейшего Бахайна.

– Нападёте на их города? Вы оставите в покое претендента на трон к югу от реки, но пересечете границу, чтобы напасть на другую страну?

– Мальчишка за рекой ничего нам не сделал, – выпрямилась Лашак. – В отличие от чилтейцев.

– Разве вам недостаточно целого города мертвых чилтейских солдат? – усмехнулся светлейший Бахайн, взглядом приглашая кирианцев присоединиться к веселью.

Но даже если бы они рассмеялись, Лашак уже скопировала его движение и вышла в круг.

– Мы знаем, как устроены города-государства. Не солдаты принимают решения и отдают приказы, а богачи, сидящие по домам в своих роскошных одеждах. – Она ткнула пальцем в Бахайна. – Вот кому я хочу отомстить – тем, кто наблюдал за нашим прибытием на здешние берега и увидел в нас лишь ресурс, которым можно воспользоваться.

Не дрогнув, светлейший Бахайн спокойно ответил:

– Вполне возможно, что так оно и есть, но в сезон снега много не повоюешь, и сейчас не лучшее время начинать войну с чилтейцами.

– А разве мы уже не воюем? – впервые вступил в разговор капитан Менесор э’Кара.

Светлейший Бахайн что-то ответил, но перевод утонул в вихре яростных одобрительных возгласов, Ошар не поспевал за капитанами. Кирианцы переводили взгляды с одного сердитого

лица на другое и, не добившись ничего вразумительного от Ошара, уставились на императора. Слабая надежда, которую я лелеяла с самого прибытия, угасла. Мы нуждались в кисианцах даже больше, чем они в нас, но как нам тут строить свой дом, как править, если язык стал таким серьезным препятствием на пути к взаимопониманию? Во всей Когахейре лишь четверо левантийцев говорят по-кисиански. Если с ними что-то случится, трудности станут непреодолимыми.

Однако не было времени как следует обдумать эту пугающую перспективу – шум в комнате усиливался.

– Да, но долгую войну, левантийскую, а не короткую стычку, – переводил Матсимелар расстроенному Бахайну.

– Мы страдали от рук чилтейцев, пока вы отсиживались, – рявкнула Тага.

– Именно! Наши люди умирали из-за ваших амбиций, – бросила в лицо Бахайну Лашак.

– Как и наши! – огрызнулся он.

– Но у них был выбор.

Ошару и Матсимелару приходилось перекрикивать нарастающий шум.

– Если ждать, пока мы станем сильнее, они тоже станут сильнее.

– Дожди ничто по сравнению с приближающимся снегом!

– Вы правда хотите дождаться, пока они атакуют нас первыми?

Гидеон молча наблюдал, по очереди поворачиваясь к говорящим. Кому-то это могло показаться равнодушием или любовью к хаосу, но его внимательный взгляд из-под сдвинутых вместе густых бровей был взглядом охотника, выжидающего нужный момент для удара.

Йисс единственная из всех ничего не сказала, и я вдвойне порадовалась, что стою в стороне, когда к ней повернулась Лашак.

– Ты все время молчала, Йисс. Только не говори, что согласна оставить наших врагов в покое.

– Я намерена довериться решениям нашего императора. Он пробыл здесь дольше всех и привел нас сюда.

Лашак побагровела, сжав кулаки, а все взгляды обратились к Гидеону.

Он наконец вышел в центр круга и раскинул руки.

– Я благодарен вам за искренность, с которой вы высказали свое мнение, – сказал он, обращаясь скорее к нам, чем к кисианцам. – Мы дорого заплатили за то, чтобы оказаться здесь. Если хотим удержать эту землю, если хотим отомстить тем, кто использовал нас, нужно перестроиться. Нарастить силы. Я разделяю ваше стремление уничтожить тех, кто повинен в наших страданиях, но мы должны сделать это, когда будем готовы, когда погода будет для нас привычной, когда у нас будет время составить план, который приведет к их полному поражению. Несмотря на все страдания и боль, нам всегда была присуща осторожность, поскольку мы должны думать не только о себе, но и о своих гуртах. Теперь мы все – гуртовщики и старейшины – должны прежде всего выжить.

Когда он закончил говорить, даже кисианцы повернулись к нему, будто подсолнухи к солнцу. Сдержанная, трогательная манера речи пробудила во всех гордость. Я уже видела, как она действует на левантийцев, но не ожидала обнаружить то же выражение на лицах людей, чья жизнь, язык и культура так отличались от наших.

– Утром я выступлю перед всеми, – продолжил Гидеон после короткой паузы, Ошар лишь немного отставал от него. – Так каждый сможет услышать о наших планах из первых рук и понять причины моего решения.

Он легонько вздохнул.

– Если кто-то хочет продолжить обсуждение этого конкретного решения, полагаю, будет лучше сделать это наедине. И, надеюсь, в следующий раз мы сможем вести себя более организованно, хотя бы ради удобства наших переводчиков.

Это был знак, что встреча окончена, и я удивилась, насколько легко кирианцы, при всем их уважении к Гидеону, позволили отделаться от себя. Возможно, они просто получили то, что хотели, в то время как некоторые из левантийских капитанов выглядели неубежденными. Но Гидеон уже вышел из круга, и им ничего не осталось, как сделать прощальный жест и покинуть зал вместе с кланяющимися кирианами.

Пользуясь положением начальника императорской стражи, я осталась, когда зал опустел. Гидеон не пошевелился.

– Ну что, Дишива, – сказал он, когда мы остались наедине, не оборачиваясь и глядя в пол. – Я нас всех опозорил?

– Нет, ваше величество.

Он повернулся, скривив губы в улыбке.

– Из твоих уст этот титул звучит так странно.

– Произносить его тоже странно, но ты хорошо справляешься. Похоже, даже кирианцам ты нравишься. Но я беспокоюсь.

Он выгнул брови.

– Беспокоишься? Пусть я теперь император, мнение моих людей до сих пор ценно для меня.

– Я беспокоюсь, что ты... ты слишком им доверяешь. Особенно... светлейшему Бахайну.

– Он нам нужен. Ты поморщилась, и мне неприятно это признавать не меньше, чем тебе слышать, но он нам нужен. Гурты плохо разбираются в деньгах и не особенно нуждаются в них. Обычно мы обмениваемся товарами и услугами, а не монетами, если только не имеем дело с купцами из городов-государств. Я могу сколько угодно носить алые тряпки и сидеть хоть на десятке тронов, но из этого ничего не выйдет без такого человека, как Бахайн, склонившегося у моих ног. Только когда мы обретем полноправное влияние и богатство, он станет нам не нужен.

– Он знает, что нужен нам.

– Конечно, знает, – натянуто улыбнулся Гидеон. – Именно поэтому я согласился жениться на госпоже Сичи и не вступал с ним в противостояние. Пусть считает меня марионеткой, меня это не волнует до тех пор, пока он дает то, что нужно.

Эти прагматичные слова были одновременно самым достойным и недостойным из того, что я когда-либо слышала. Они унижали его гордость, и тем не менее он поставил нужды гурта превыше себя и тем заслужил мое уважение до последней капли.

– Ты меня понимаешь, – сказал Гидеон, будто прочтя мои мысли. – Если бы только Рах обладал твоим пониманием...

Он не закончил фразу и вздохнул, и я задалась вопросом, была ли я единственной, с кем он говорит о Рахе, единственной, кто так же мучился из-за отступничества Раха, как он.

– Не думаю, что Раху не хватало... понимания, – сказала я, не в силах посмотреть на него. – Ты не думал, что... Лео Виллиус... – Гидеон нахмурился, но я зашла слишком далеко, чтобы останавливаться. – Что это он виноват в том, что Рах отвернулся от нас? Он был мертв, Гидеон. Он не может сейчас ходить и говорить в том же самом теле, будто ничего не произошло.

Гидеон нахмурился еще сильнее.

– Я не знаю, что он такое, но это единственный мой козырь, на который никак не может повлиять светлейший Бахайн. Одно это делает Лео Виллиуса настолько ценным, что остальное уже не имеет значения.

«Даже Рах?» – едва не спросила я, но осеклась, взглянув на свирепое лицо Гидеона.

– Тем не менее позаботься, чтобы завтра дежурило побольше Клинков, – наконец сказал он, немного расслабившись. – Нужно, чтобы все прошло гладко.

– Да, ваше величество.

Он собрался уйти, но остановился, поравнявшись со мной, и положил руку мне на плечо.
– Верь мне, Дишива. Нам нужно будущее. Нужно место, где мы сможем существовать. И если оно не здесь, то где? Если не сейчас, то когда?

* * *

Будто сами боги развели для него тучи, Гидеон вышел на рассвете без надоедливой дождя и царственно встал на крыльце, пока левантийцы собирались в сыром, обволакивающем тумане. Мои Клинки стояли по обеим сторонам лестницы, в дверях и в стратегически важных точках двора. Не все из них были из рода Яровен, к чему я не сразу привыкла. В охрану Гидеона вызвались Клинки из разных гуртов, но большинство было из рода Охт – подобно Йисс, они следовали за Гидеоном с той же пламенностью, как чилтейцы за своим Лео Виллиусом.

Встав позади и слегка в стороне от Гидеона, я хорошо видела собравшуюся толпу.

– Клинки великой Левантийской империи, – возвысил голос Гидеон. В наступившей тишине все внимание было приковано к человеку на ступенях. – Мы слишком долго были в Кисии рабами, но сегодня исполняется семь дней с тех пор, как мы избавились от своих хозяев и стали свободными. Не просто воинами, целителями и охотниками степей, но предводителями новой империи, нового мира. Мира, где нас не будут выслеживать и убивать, где мы станем неотъемлемой частью нового целого.

Покой утра нарушил шквал ритмичных хлопков, но Гидеон поднял руки, и тот стих.

– Семь дней свободы стоит отметить, – продолжил он. – Но предстоит еще долгий путь, прежде чем наши дети смогут назвать эту землю своим домом. Мы победили в битве, разбили своих рабовладельцев, но вокруг остались враги, и нужно показать нашим новым братьям-кисианцам, что они в безопасности под левантийским владычеством. Мы – не жестокие хозяева вроде темпачи или корунцев. Мы не живем в роскоши, когда другие голодают. Мы заботимся о своем гурте, как всегда это делали, только теперь он стал намного больше. Так что не смотрите на кисианцев как на врагов, смотрите на них как на братьев, как на сестер, на вашу кровь.

Послышался ропот голосов, беспокойные шорохи. Мой взгляд метался по толпе в поисках очагов недовольства, как некогда я искала их среди своих Клинок. Ни один предводитель не может стоять на скале, не глядя на бурное море внизу.

– Мы все разгневаны тем, что сотворили с нами чилтейцы, но сейчас не время мстить, не время окропить наши раны их кровью. Время строить, исцелять, набираться сил для боя, который мы вскоре дадим им. А пока давайте заново построим наши святилища. Нашу жизнь. Давайте поприветствуем новую кровь и поделимся нашим укладом с миром – и все станем от этого только сильнее.

Никто не захолопал, но его слова будто наполняли собравшихся левантийцев, как каждый вдох наполнял его грудь. Он обещал кровь и возмездие, но сначала он обещал жизнь. Поняли ли они в полной мере его слова или нет, но вид горделиво стоявшего Гидеона не мог не воодушевлять.

– Мне не построить великое будущее без вас, – сказал он, протянув к толпе руки. – Вы нужны мне. Все вы. Мы должны вместе сражаться за наше будущее, за величие Левантии.

Он поднял обе руки, и приветственные крики перешли в скандирование его имени, кулаки отбивали удары в туманном утреннем воздухе.

– Гидеон! Гидеон! Гидеон!

В тот момент он был для нас таким же богом, как Лео для своего народа, и мы верили, что можем достичь чего угодно.

Пока в плечо Гидеона не вонзилась стрела. Он пошатнулся, и я что-то закричала, пытаюсь оттолкнуть его с пути. Сапоги поскользнулись на влажных ступенях, и я упала на него, когда вторая стрела ударила о камень.

В толпе поднялись крики, мои Клинки поспешили окружить раненого императора.

– Найдите, откуда прилетела стрела! – крикнула я никому конкретному. На верхней ступеньке Гидеон с шумом втягивал воздух, пытаюсь замедлить дыхание и подняться на ноги. – Нужно отвести тебя внутрь, – сказала я. – Приведите... – Я осеклась, не зная, кому из целителей можно довериться, когда всего мгновение назад левантийцы, казалось, наконец ощутили единство. – Тебе туда нельзя! – я встала перед Гидеоном, когда он попытался протолкнуться мимо моих Клинков. – Кто-то только что пытался тебя убить.

– Именно поэтому... я...

Позади раздался топот, и я успела оттолкнуть Гидеона, когда на лестницу запрыгнул левантиец, прорвавшись сквозь строй моих Клинков. С безумными глазами он бросился на меня с обнаженной саблей, приложив меня головой об дверной косяк. Перед глазами заплясали светлые пятна. В этот момент у него были все возможности убить меня, и я понимала, что все кончено. Но общий шум нарушил звук рубящего удара, за которым последовал предсмертный хрип. Левантиец стоял возле меня, по его подбородку стекала кровь, из широко раскрытых глаз уходила жизнь.

Гидеон вытащил свою саблю из живота нападавшего, и труп упал ему под ноги. Никто не говорил. Никто не шевелился. Наконец Гидеон жестом приказал моим Клинкам расступиться, отчего стрела в его плече задрожала. С побелевшими от гнева и боли губами он вновь повернулся к своему народу.

– Это, – указал он на тело, – не мы. Где бы мы ни жили. Где бы ни умирали. Какова бы ни была наша цель, это не мы. Мы не убиваем во тьме. Мы не наносим удар в спину. Я – ваш предводитель до тех пор, пока кто-нибудь не бросит мне вызов, – он поднял обе руки и обвел ими собравшихся, снова заставив стрелу затрепетать. Лишь плотно сжатая челюсть выдавала боль, когда он протянул ко мне руку. – Твой нож, капитан.

Все смотрели, как Гидеон берет нож из моих рук. Без всяких церемоний он опустил на ступеньку и прижал острие к шее нападавшего, по его коленям потекла кровь.

– Мы выше этого, – сказал он, начав отрезать голову. Каждое мгновение стоило ему собственной крови, но он не останавливался. – Мы сильнее. Мы – левантийцы.

Глава 7

Мико

Китадо становилось все хуже. Я зашила рану на его руке и ноге, но зияющий порез на боку был слишком велик. Китадо требовалось время, которого у нас не было, и отдых, который мы не могли себе позволить. Можно было только очистить рану теплой соленой водой, как рекомендовали левантийцы, и хорошенько перебинтовать. Этим занялся юный левантиец Тор, перевязав грудь генерала с гораздо большим мастерством и аккуратностью, чем я ожидала.

От хижины дровосека мы поскакали на восток и под прикрытием туч и темноты пересекли Ивовую дорогу, и никто нас не видел, не считая птиц и лягушек. На другом берегу тянулась открытая местность, и мы ускорили темп, обдувающий лицо ветер смягчал бесконечные укусы дождя. Но все перекрывал нарастающий страх.

За мной охотятся на собственной земле. Если в ближайшее время я не найду союзников, я не только погибну, но, что гораздо хуже, провалю все задачи, которые на меня возложены.

Сян остался единственным вариантом.

Китадо согласился с этим, но я наблюдала за ним с тревогой. Время от времени его голова падала на грудь, и бритый левантиец Рах всегда подводил своего коня к Китадо, чтобы узнать, как он, хотя и не говорил на нашем языке.

Я боялась расставаться с левантийцами, зная, на что они способны, но ни секунды не надеялась, что они пойдут с нами, разве что с помощью угроз. Но они пошли. Я тысячу раз чуть не спросила Тора, по какой причине, но всегда проглатывала слова, поначалу потому что боялась спугнуть ценных заложников, которых могла использовать в качестве ставки, если светлейший Бахайн больше не хранит мне верность, а потом я просто боялась остаться в одиночестве. Пусть они и левантийцы, но они скакали впереди и в арьергарде нашей странной кавалькады, словно стражи, помогали устроить лагерь по вечерам и заботились о Китадо. И с каждым днем в моей душе разгоралась невольная благодарность, которую я не осмеливалась показать.

Но почему они поехали с нами? Может, они считают меня своей пленницей? Или их кодекс чести требует вернуть долг? Судя по их поведению, ни то и ни другое. Вообще-то единственный разумный ответ заключался в том, что они следуют за моей лошадью – лошадью Раха. Тор не хотел, чтобы я скакала на ней.

– Ты не можешь взять левантийского коня, – сказал он, когда я вошла в амбар дровосека, держа в руках тяжелые седельные сумки.

Я бросила сумки и ответила на его мрачный взгляд, положив руку на рукоять меча.

– Вот как?

– Даже если ты меня убьешь, то все равно не должна брать левантийских лошадей, – произнес он, явно довольный собой. – Они не станут терпеть никаких других седоков, кроме левантийцев.

И тут заговорил Рах, их диалог состоял из резких слов и шипящих звуков, а я тем временем рассматривала огромного коня, о котором он так беспокоился. Выглядел тот как обычная лошадь, только крупнее и сильнее. Даже седло и уздечка такие же, только несколько необычных, на мой взгляд, узлов и украшений. Может, он считает, что никто другой не способен скакать на таком огромном коне?

Я сжала поводья. Лошадь попятилась и дернула головой, чуть не оторвав меня от земли. Юноша перестал спорить со своим товарищем и ухмыльнулся.

– Я же говорил, что они не позволят на них ездить. Они только для левантийцев.

Рах показал на другую лошадь. Они снова возбужденно заспорили, Рах распалился, как когда пытался отрезать дровосеку голову. Он ударил себя кулаком в грудь и произнес что-то с большой страстью, от его слов юноша понурил голову со стыда. Рах говорил уверенно и пылко, и на мгновение я снова увидела Танаку, стоящего в тронном зале, как он обращался к толпе, изливая душу, пока не лишился головы.

Мое смущение оттого, что я присутствовала при такой выволочке, только усилилось, когда Рах подозвал меня жестом. Я предпочла потупиться, чем стать свидетельницей неловкости Тора, но в конце концов Рах подвел ко мне вторую лошадь, разговаривая с ней по пути, как с непослушным ребенком.

– Дзиньзо, – сказал он, указывая на большого коня.

Тор закатил глаза.

– Это конь Раха, его зовут Дзиньзо. Рах сказал, что Дзиньзо позволит тебе ехать на нем, если хозяин будет рядом.

Последовала еще одна перепалка по-левантийски, но Рах покачал головой. Через несколько секунд молчания переводчик продолжил:

– Он будет держать Дзиньзо под уздцы, пока ты попробуешь на него сесть. Другие лошади не позволили бы тебе этого, но Дзиньзо позволит с разрешения Раха. Твоему спутнику лучше ехать на кисианской лошади. Она смирная и доставит меньше хлопот с его ранами.

Вокруг раздавались такие успокаивающие звуки – звон упряжи, фыркание лошадей, топот копыт по селу. Лошадь была крупнее, чем боевой конь Кина, но, не обращая внимания на скручивающий живот страх, я схватилась за луку седла и подняла ногу к стремяни.

Дзиньзо фыркнул и передвинул ногу, но Рах крепко держал его за уздечку, пока я забиралась в седло. И пока Рах вполголоса напевал что-то своему коню, Тор не произнес ни слова. Он снова нахмурился и не смотрел в мою сторону.

Наконец Дзиньзо успокоился. Тревожное напряжение никуда не делось, но когда Рах отступил, его конь меня не сбросил. Еще через несколько минут Рах снова сделал шаг назад, и с кивком, подозрительно похожим на поклон, вручил мне поводья, перебросив их через голову коня. Когда Рах отошел еще дальше, а Дзиньзо взбрыкнул, вскинув голову, мое сердце застучало в паническом ритме.

– Рах говорит, ты должна успокоиться.

Я прекрасно умею ездить верхом, и напряженно выпрямилась.

– Отойди, – сказала я.

Подавив всепоглощающий страх, я стиснула бока Дзиньзо коленями и послала его вперед шагом. Он слегка возмутился, тряхнув головой, но вышел из пыльного и сухого сарая под дождь. Там он ускорился, и мой страх уступил место радостному возбуждению. Он двигался с такой легкостью, в его мышцах ощущалась такая затаенная мощь. В этом седле я могла позабыть обо всех неприятностях. Чувствовала себя неуязвимой. Неудивительно, что левантийцы вели такой образ жизни. И так сражались. И так умирали.

* * *

Мы остановились у святилища Отобару, где обычно отдыхали императоры из династии Отако. Когда-то святилище было местом паломничества, а теперь затерялось где-то в лесах между Симаем и Цицинем, почетный караул гвардейцев, который когда-то его охранял, был распущен задолго до моего рождения. Могилы заросли травой, статуи потрескались, и хотя, судя по всему, за последние годы здесь не единожды разбивали лагерь, кострища затянула трава, а цветы канашими раскисли под дождем.

Рах затоптал целую их горсть одной ногой, спрыгнув с седла. Я чуть не рывкнула на него, чтобы вел себя осторожнее, потрясенная тем, что кто-то может наступить на эти цветы. Я могла бы объяснить подробно, но левантийцы все равно вряд ли поймут.

Я преувеличенно аккуратно переступила через цветы, подыскивая место, куда можно привязать Дзиньзо. Рах оставил свою лошадь пастись свободно, указал на святилище и заговорил.

– Это священное место? – перевел Тор.

– Да, – ответила я. – Это храм Ци. И место последнего упокоения императоров.

Тор перевел ответ, и Рах кивнул. Он отвязал заляпанный кровью мешок с седла и отнес его к святилищу.

Китадо соскользнул с лошади, но его колени тут же подогнулись, и он свалился в высокую мокрую траву. Я подошла к нему, но он покачал головой.

– Генерал, – сказала я. – Вы не можете отказать мне, когда выпала возможность осмотреть ваши раны.

Он выдавил мрачную улыбку.

– Вы прекрасно меня зашили, – сказал он, показывая на порез на руке. – Что бы сказала госпожа Йи, увидев, что вы зашиваете кожу вместо шелка?

– Чтобы проткнуть ее иглой и вытащить нитку с другой стороны, требуется та же ловкость, та же... сила. Но я не позволю вам прятаться за спину госпожи Йи. Вы отлично знаете, что я хочу посмотреть не на эту рану.

– Но увидите только ее, ваше величество.

Он гордо вздернул острый подбородок.

– Хорошо, генерал. Пока что вам ничто не грозит. Могу я хотя бы устроить вас поудобнее?

Китадо посмотрел на свою лошадь и поклажу, и перед его глазами явно бушевала мысленная борьба.

– Мне неприятно просить вас о чем-либо, ваше величество, но, похоже, я не сумею сам позаботиться о лошади и разгрузить ее. Если кто-то из левантийцев...

– Я сама могу отнести сумки и поухаживать за лошадью, друг мой. Разве я не доказала, что сделана из плоти и крови, а не из фарфора и золота? Я на многое способна, не только быть императрицей.

– Вы всегда были добры ко мне, ваше величество.

Если бы я не засмеялась в ответ на беззвучные извинения, стоящие в его глазах, то непременно разрыдалась бы.

У подножия широких ступеней храма находился старый каменный алтарь, Рах опустился в грязь на колени перед ним и, держа в руках отрезанные головы, начал заунывно петь. Прямо как разговаривал с Дзиньзо – это была мелодия, которая становилась то громче, то тише, с поэтическим ритмом, напоминающим какой-то потусторонний язык. В каждом слове слышалось горе и в то же время радость, наполняющая мое сердце надеждой.

– Что он говорит? – спросила я, глядя на Тора, который занимался лошадью.

– Это погребальная песнь. Он молится и выпускает каждую душу обратно в мир. Погребальная песнь необязательна, но, поскольку это не алтарь Нассуса, Рах сначала хочет привлечь внимание богов.

– Нассуса?

– Это бог смерти. Он всегда с нами. Нас клеймят во имя его, чтобы мы всегда знали, какую жертву приносим. Мы – Клинки и охотимся, чтобы ваши руки были чисты. Мы – Клинки и убиваем, чтобы ваши души были легки. Мы – Клинки и умираем, чтобы вы жили.

– А головы?

От моего вопроса пыл Тора сменился мрачным взглядом.

– Чтобы души можно было отнести в священное место и отпустить. Если этого не сделать, они навеки застрянут в этом мире, в клетке собственной плоти, и никогда не возродятся. Бесчестье оставить душу прозябать здесь, даже душу врага.

Генерал Китадо зашевелился на своем ложе из глины и цветов.

– Прозябать?

– Оставить ее здесь. Неспособной к перерождению. Вот почему он хотел отрезать голову дровосеку.

Тор говорил это и тогда, но я была слишком разъярена из-за жуткого зрелища и боли женщины, чтобы задуматься о его словах. Я сидела рядом с женой дровосека, пока она укладывала тело. Я зажгла благовония. Молилась вместе с ней и предложила возмещение, которое пока не могла заплатить, но она лишь сказала: «Благодарю вас, госпожа» и «Вы так добры, госпожа», а выглядела так, будто и сама внутренне мертва. Несмотря на ее горе, я торопилась. Оставаться было опасно, и все же вина приковала меня к этому месту, как бабочку припиливают иглой к доске. Министр Мансин пожертвовал собой, чтобы я выжила и однажды могла дать бой, но, куда бы ни шла, я везде несла своему народу лишь смерть.

Все это время Рах ковылял по двору, ухаживал за лошадьми и отрезал головы. Он складывал их в мешок, и кровь сочилась сквозь мешковину. Слишком много работы ради трофеев, которые сгниют к концу дня.

– Но почему головы? – снова спросила я, скользнув взглядом по Раху, который стоял на коленях перед алтарем и напевал. – Почему не пальцы? Они весят гораздо меньше.

Тор осклабился.

– Какой смысл отрезать пальцы? Разве что забавы ради. Душа находится в голове, а не в руке, ноге или носу. Вот почему мы носим раскрашенное клеймо на затылке.

– Но у тебя нет клейма. И голову ты не бреешь. Почему?

На краткий миг он встретился со мной взглядом, а потом повернулся обратно к лошади, так и не ответив. Я посмотрела на Китадо, вымокшего не только от дождя, но и от пота, и он едва заметно покачал головой.

Больше я не стала задавать вопросов.

* * *

Пока генерал Китадо отдыхал, Рах разжег костер из собранного Тором хвороста. Я была против, но стены в храме были каменные, а нам нужна была горячая вода, и потому я сдалась, надеясь, что никто не заметит дым, просачивающийся из-под крыши храма.

Я внесла внутрь седельные сумки и поставила котелки, чтобы набрать дождевой воды, но левантийские лошади не позволили мне ими заняться, даже Дзиньзо, хотя я весь день скакала на нем. Мне страшно не хотелось оставлять эту работу Тору, но лошади не дали мне выбора. Юный левантиец пошел обратно в лес за дровами, но вскоре вернулся с пустыми руками и с привычной уже хмурой миной объявил:

– Сюда приближаются люди.

Я напряглась.

– Люди? Какие?

Он пожал плечами и нетерпеливо взмахнул рукой.

– Не знаю. Люди. Кисианцы.

– Кисианцы? С какой стороны?

– Они на дороге, направляются сюда.

Трудно сказать, что больше завладело моими мыслями – страх или радостное предвкушение. Люди принесут новости, но люди могли и доставить неприятности.

– Мне их убить? – спросил Тор настолько беззаботно и с явным желанием помочь, что я не сразу осознала значение его слов.

– Убить? Нет! Не убивай их, то есть... пока не надо. Что плохого они нам сделали, почему ты вдруг решил их убить?

Тор покраснел и снова угрюмо нахмурился.

– Вы же скрываетесь. Убить тех людей было бы безопаснее, – с легкой обидой объяснил он. – Или мне пойти с ними поздороваться? Уверен, это произведет впечатление.

Он показал на свое лицо, и был прав. Объяснить кому-либо, почему два левантийца путешествуют с двумя кирианцами, было бы подвигом.

– Далеко они отсюда?

– Могут быть здесь с минуты на минуту.

Я коснулась чехла с Хацукоем.

– Вооружены?

И снова он нетерпеливо пожал плечами.

– Точно не скажу, но ведь ножи нетрудно спрятать.

Я чуть не рывкнула, что и сама прекрасно это знаю, но вместо этого указала на лошадей.

– Они не позволили мне ими заняться. Сделай все необходимое и...

С дороги слышались голоса и топот копыт, и я едва сдерживалась, чтобы не вытащить лук из-за спины. Ведущая к святилищу Отобару дорога здесь и заканчивалась. Старый путь паломников еще носил следы былой славы – потрескавшиеся и потемневшие от непогоды статуи, выбитые на камнях изречения и заросшие цветочные клумбы, когда-то наверняка великолепные.

К нам приближались три молодых человека, их лошади были нагружены поклажей.

– Добрый вечер, – выкрикнула я. – Вы хотите передохнуть в святилище?

– Вечер добрый! – отозвался один из путников. – Именно. В округе не найти другого укрытия, неудивительно, что в такую погоду мы оказались здесь не в одиночестве.

– Разумеется. – Я подождала, пока они приблизятся, и добавила: – Надеюсь, для вас не составит неудобств разделить с нами кров.

Предводитель отряда, явно состоятельный молодой человек, судя по лошади и одежде, улыбнулся и уважительно поклонился.

– Конечно, госпожа. В такие трудные времена все мы должны держаться вместе.

Он оглядел поляну, и хотя генерала Китадо не было видно, он отдыхал внутри, но Рах и Тор занимались своими делами, опасливо поглядывая на вновь прибывших.

– Эти левантийцы нам не враги, – сказала я, предвосхищая вопрос. – Какую бы роль они ни играли в чилтейском вторжении.

– Их принудили в этом участвовать, – пробормотал один из путников – юноша с изящно постриженной бородкой, делящей подбородок пополам. – А еще они – наши освободители.

– Да, – согласился третий, удивив меня едва сдерживаемым пылом. – А если им доверяет сам доминус Виллиус, то и нам негоже в них сомневаться.

Эти слова как будто ставили финальную точку в разговоре. Все трое спешили и начали обустраиваться на ночь. Я уставилась на них, пытаюсь осознать значение сказанного. Это была какая-то бессмыслица, но я сообразила, что они поклоняются Единственному истинному Богу – никаких семейных символов, одежда простая, хотя и сшита у хорошего портного, и каждый носил серебряное ожерелье на шее. У двоих оно было спрятано под одеждой, а у борода-того серебряная маска гордо висела напоказ поверх одежды.

Вера в Единственного истинного Бога никогда не была популярна при дворе. Кирианцы обычно скрывали веру в него – уж слишком просто было приравнять ее к предательству и поддержке врагов. Мир состоит из нюансов, но жизнь при дворе научила меня, что власть иму-

щие должны убеждать народ в том, что это не так. Мы и они, хорошее и плохое, правильное и неправильное – самые мощные послания всегда проводят резкую границу.

– Ты сказал «доминус Виллиус»? – спросил Тор, когда Бородач заносил свою поклажу в ворота храма.

Юный кисианец поднял брови, несомненно удивившись, что Тор говорит на нашем языке.

– Да. Мы слышали о его возрождении и как раз идем в Когахейру, чтобы присоединиться к нему.

– Возрождении?

Кисианец опустил тяжелую сумку и выпрямился, слегка хрустнув суставами.

– Единственный истинный Бог благословил его новой жизнью, окончательно доказав истину, в которую все верили, что доминус Виллиус – Вельд Возрожденный. Мы идем, чтобы служить ему, как велит долг всем последователям Истинной веры.

Прежде чем Тор успел задать вопрос, Рах обернулся от костра.

– Лео?

За этим последовал напряженный разговор – сидящий у огня Рах подался вперед, указывая на вновь прибывших, а Тор что-то ворчал в ответ, и я вспомнила доминуса Виллиуса на вершине холма у Рисяна, в окружении левантийцев. Похоже, они высоко его ценили, предпочитая охранять лично, а не доверять эту задачу чилтейцам.

Что бы ни встревожило Раха, он хмуро замолчал, и путники стали раскладывать свои пожитки в другом углу святилища. У меня была уйма дел, но, когда Тор пошел обратно к лошадям, я просто тупо стояла на месте, как будто застряла меж двух миров. Они не знали, что я их императрица, их богиня, но все равно – они ведь ехали к императору-левантийцу и поклонялись чилтейцу. Неужели все кисианцы вскоре станут такими, если у меня ничего не выйдет? Если империя падет? А может, уже слишком поздно?

Нас и самих нельзя было назвать болтунами, но когда к нам присоединились трое паломников, в тот вечер у костра установилась такая глубокая и неловкая тишина, что мне хотелось поскорее избавиться от соотечественников. Пусть я и не понимала языка или традиций левантийцев, но они вели себя разумно. А в присутствии кисианских адептов Единственного истинного Бога мне становилось не по себе.

– У нас есть вино, мясо и хлеб, и мы с радостью ими поделимся, – сказал тот, которого я сочла их предводителем. – Помощь ближним приносит нам радость.

В доме дровосека генерал Китадо показал мне, как размять оставшийся рис и превратить его в лепешки, завернутые в вошеную бумагу. Больше у нас ничего и не было, а путь предстоял неблизкий, так что я с невольным облегчением приняла дары, не предложив ничего взамен. Не слишком гостеприимно, но со мной было двое раненых и предстояла долгая дорога.

Мясо и хлеб оказались свежими, и стоило мне увидеть разложенную у костра провизию, как у меня потекли слюнки. Сколько уже дней я не ела нормально?

Рах указал на мясо и вполголоса заговорил. Тор ответил, нетерпеливо пожав плечами. Диалог продолжился, и, понаблюдав за ними какое-то время, паломники тоже начали тихо переговариваться о том, за сколько дней они доберутся до Когахейры. Они еще спорили на эту тему, когда Тор взял ломоть лепешки, какие обычно делают чилтейцы, положил на нее мясо и свернул. Он показал полученный рулет Раху, который одобрителем кивнул, и передал генералу Китадо, сидевшему у стены храма в нескольких шагах от костра.

Мои щеки вспыхнули от стыда за то, что я не позаботилась о нем сама, слишком уж была поглощена наблюдением за странными путниками. Генерал Китадо поблагодарил молодого левантийца, явно не заметив, что указания тому дал Рах.

– Давно вы устроили здесь лагерь? – спросил предводитель паломников, хотя ответ и был очевиден.

– Сегодня вечером, – ответила я, понимая, что на самом деле они хотят знать, кто я такая и куда мы направляемся.

Подозревали ли они? Я их не знала, но если они пришли из Мейляна, то могли меня узнать.

Я поменяла позу и тему разговора.

– Вы сказали, что идете к доминусу Виллиусу в Когахейру. Не боитесь идти туда, ведь там левантийцы?

– Истинная вера поглощает страх, сударыня, – ответил молодой человек, коснувшись спрятанной под простой одеждой подвески. – А кроме того, наш император-левантиец принес присягу по кисианскому обычаю и собирает союзников, у него нет причин портить с нами отношения.

Принес присягу и собирает союзников. Слова кольнули ледяным страхом прямо в сердце, и я невольно посмотрела на генерала Китадо. Моя мать годами ковала альянсы, но почти все ее союзники были на севере, который опустошило чилтейское вторжение, на севере, сожженном и сломленном, на севере, склонившемся перед чужеземным императором. Я все явственнее чувствовала, как стены вокруг меня смыкаются и я не могу их раздвинуть, не могу избавиться от страха, что мое дело уже проиграно, а империя живет дальше без меня.

– Говорят, он хочет жениться на императрице Мико, – продолжил молодой человек, явно не заметив, как меня сковал ужас. – Так люди с большей готовностью его примут.

– Вы хотите, чтобы вами правил император-левантиец? – спросил из тени за костром генерал Китадо.

– Мы хотим императора, который не подавлял бы нашу веру, как годами делали Отако и Ц'ай.

Его тон стал воинственным, юноша гордо вздернул подбородок, словно бросая раненому военному вызов. Не знаю, как бы поступил Китадо, будь он в полном здравии, но он мягко продолжил:

– А не боитесь, что правление левантийцев разрушит все, что делает нас кисианцами?

– Похоже, многие простые люди этого опасаются, – признал предводитель паломников, доказав, что я была права относительно его социального положения. – Но если он женится на кисианке и выберет союзников среди кисианцев, будет есть нашу пищу, говорить по-нашему и жить по кисианским обычаям, то разве он не кисианец?

Тор мрачно нахмурился и стиснул зубы, но промолчал.

– Я вижу ваш страх, – сказал бородатый паломник, с улыбкой наклонившись ко мне. – Но не бойтесь перемен. Все мы в руках божьих, и всегда были, даже когда молились духам воды, луны и леса. Пора отбросить все это и стать свободными.

Он протянул мне свою подвеску, и в свете костра серебро сверкнуло почти как золото. Маска Бога. Я не взяла ее, и бородач придвинулся ближе, а его услужливая улыбка стала еще слаще, как будто он утешал потерявшегося ребенка.

– Мы не властны над этим миром, а значит, бороться с переменами – все равно что драться с тьмой и орать на нее.

– Вот что предлагает ваш бог? – спросила я каким-то чужим голосом, настолько у меня свело горло. – Капитулировать? Сдаться без борьбы?

– Вовсе нет, сударыня, просто мы должны строить новое, а не цепляться за старое.

Он взял меня за руку и вложил мне в ладонь свой кулон. Я вздрогнула от его прикосновения.

– Бог будет ждать вас, когда вы будете готовы его услышать.

* * *

Несмотря на присутствие паломников, той ночью я спала лучше, чем в прочие с тех пор, как мы покинули Мейлян. Возможно, я просто привыкла спать на твердой земле под нескончаемым дождем или меня успокаивало присутствие богов. Наших богов. Я не нашла в себе сил отказаться от предложенного кулона, но сунула его на дно котомки, где он не попадется мне на глаза.

Когда я проснулась, толстые и пыльные балки святилища отбрасывали тени в рассветных лучах солнца. Я слышала, как паломники укладывают вещи и тихо переговариваются, а за решетчатыми ширмами дождь с ожесточением барабанил по земле. Не желая встречаться с троицей предателей, я плотнее завернулась в отсыревшее одеяло и решила поспать еще немного, но из головы никак не выходили мысли о той подвеске и легкости, с какой молодые люди отказались от нескольких поколений кисианских правителей. Я твердила себе, что это исключение из правил, они не говорят от имени всего народа, и все же меня одолевали те же страхи и сомнения. Остались ли у меня хоть какие-то союзники?

Услышав лихорадочный стон, я резко выпрямилась. В нескольких шагах от меня на смятом почти в узел одеяле лежал генерал Китадо. Он вскрикнул и перекатился на бок, оставив после себя кровавое пятно.

Я подползла к нему на четвереньках.

– Генерал?

Он дернулся, но не ответил. Я похлопала его по плечу, Китадо вздрогнул, открыл мутные глаза и уставился на меня, словно никогда прежде не видел.

– Ваше величество?

Я огляделась, убедившись, что наши незваные спутники далеко и ничего не слышали.

– Генерал, вы не настолько хорошо себя чувствуете, как пытались меня убедить.

– Просто устал, ваше величество, – с натушной улыбкой сказал он. – От боли мне трудно спать.

– У вас снова кровотечение. Вам нужен лекарь. Я могу поехать в Сян одна, а вы тем временем...

– Нет.

Я нахмурилась.

– Если вы умрете, то никому не принесете пользу, Китадо. Я прикажу вам ехать в ближайший город, если так нужно.

– Это я должен заботиться о вашей безопасности, а не наоборот. Командующим императорской гвардии становятся не для того, чтобы жить дольше.

– Но...

– Мико... – Когда он назвал меня по имени, я закрыла рот, а он улыбнулся одними губами. – Я умру в любом случае, осмотрит меня лекарь или нет. В какую бы игру мы ни играли, как бы ни притворялись, мы оба знаем, что мои дни сочтены, буду ли я отдыхать или двигаться. Нет, прошу вас, позвольте мне умереть спокойно. Это последнее желание умирающего – я не хочу цепляться за фальшивую надежду, а хочу выполнить свою задачу. Пусть мы не уверены в преданности светлейшего Бахайна, но он достойный человек, а его сын – ваш друг. Если я буду знать, что вы в безопасности с ними, в Сяне, то умру с чувством выполненного долга.

Я посмотрела на глубокий разрез, из которого сквозь рваные повязки сочилась кровь. Днем генерал Китадо скрывал рану под доспехами, а по ночам Рах мыл ее и перевязывал чистыми лоскутами из запасного одеяла; их молчание внушало мне надежду.

– Простите, ваше величество, – сказал он, и его натушная улыбка исчезла.

– Нет, это вы меня простите. Я должна была оставить Раха истекать кровью там, на болотах. – Каждое слово было пропитано горечью. – Если бы мы сразу поехали дальше, то опередили бы поисковые отряды левантийцев.

– Что сделано, того не воротишь. Смотрите в будущее, ваше величество, не оглядывайтесь назад. – Китадо кивнул Раху, наблюдающему за нами неподалеку. – По крайней мере, он выплатил свой долг. Он все знал, хотя вы и не знали. Некоторые раны не сумел бы излечить даже лекарь Кендзи.

– Он спас Кина от смерти, когда тот наполовину обгорел.

Китадо выдавил улыбку.

– Император Кин был богом, ваше величество. А я простой солдат. А теперь нам пора в путь, если мы хотим достичь Сяна.

Мне хотелось поспорить, сказать ему, что все будет хорошо, потому что я тоже богиня и желаю этого, но это были слова ребенка, и я проглотила их, помогая ему сесть. Рах наблюдал за нами с другой стороны святилища. Китадо посмотрел на него, и они обменялись понимающими взглядами, полными уважения, которому я могла только позавидовать. Пусть они выросли в разных местах и поклонялись разным богам, но оба были воинами и носили свою честь и силу духа как плащ. Мы с Танакой тоже это изображали, но Китадо завоевал уважение по праву, а я, похоже, всегда буду принцессой, нуждающейся в защите.

Мы съели остатки припасов, попили дождевой воды, текущей с откосов крыши, и покинули Отобару. Рах и Тор усадили Китадо в седло, а Дзиньзо вел себя нервно. Сев на лошадей, левантийцы стали с ними одним целым, и я слишком ясно осознала свою неуклюжесть.

Казалось, дождь намеревался нас утопить, забарабанив с нарастающей яростью, как только мы поскакали на восток; и все же мы двигались с панической поспешностью, не имеющей отношения к погоде, все дело было в Китадо. Не я одна посматривала на него с тревогой. Я твердила себе, что он выдержит дорогу. Что он поправится. Перед отъездом Рах перевязал его рану, и они о чем-то переговаривались, пока он этим занимался, хотя и не понимали друг друга.

Прошло уже несколько дней с тех пор, как мы оторвались от преследователей-левантийцев, с тех пор как мы встречали кого-либо, кроме случайного путника, и я перестала оглядываться через плечо. Но все равно мое сердце чуть не остановилось, когда я услышала топот копыт за спиной.

Рах и Тор услышали этот звук одновременно со мной и быстро переговорили, прежде чем Тор указал на обочину дороги.

– Похоже, пять всадников. Нам лучше спрятаться.

От внезапной остановки Китадо качнулся в седле, но поднял руку, показывая, что не нуждается в помощи, когда я бросилась к нему.

– Быстро, – прошептал Тор, встревоженно махнув рукой. – Они появятся с минуты на минуту. Скачите в лес и успокойте лошадей. А мы скроем следы.

Я повела Дзиньзо в густой подлесок. Генерал Китадо последовал за мной, и мы пробрались сквозь зеленую завесу на маленькую поляну, но Китадо не удержался в седле и завалился на бок, рухнув на мою ногу как поваленное дерево.

Меня охватила паника, но я крепко схватила Дзиньзо за поводья и похлопала генерала по плечу.

– Генерал? Генерал!

Он дернулся, как будто внезапно проснулся, его бледное лицо исказила боль.

– Держитесь, – сказала я. – Я помогу вам спешиться.

Я соскользнула с Дзиньзо и бросилась к Китадо, почти позабыв о том, что нас преследуют, что вокруг существует что-то еще. Лишь хруст веток под чьими-то сапогами заставил меня обернуться. Рах вел под уздцы обеих лошадей, свою и Тора, а тот выглядел лишь смут-

ным силуэтом где-то среди деревьев. Топот копыт приближался, стуча в ушах, но Рах бросил поводья и поспешил мне на помощь.

Он подхватил генерала Китадо, не дав тому упасть, а я закрыла глаза, вслушиваясь в грохот копыт, который накатывал как волна. Казалось, это длилось целую вечность, и мое сердце колотилось в том же бешеном ритме, но потом топот стал затихать. Я открыла глаза и увидела тяжело дышащего Тора, который всматривался в сторону неизвестных всадников. Он посмотрел на меня, но тут же отвернулся.

– Они даже не замедлили ход.

Рах положил Китадо на землю, и я подошла к нему, погладила по бледной щеке.

– Генерал? Генерал!

Его глаза на мгновение распахнулись, но он тут же прищурился под бесконечной бомбардировкой дождя. Рах встал, и через секунду дождь прекратился, падая на рубаху Раха, которую он растянул над нами как хилый навес.

– Простите, ваше величество, – просипел Китадо, быстро моргая. – Боюсь, я вас подведу.

– Ни за что, генерал, – ответила я. – Это я вас подвела. Умоляю меня простить.

Его покашливание перешло в гримасу.

– Вы делаете мне честь, ваше величество, но я сделаю вид... что этого... не слышал. Вы... наша императрица. Вы не можете... никого подвести. Не можете... поступить неправильно.

Упала тень, и я подняла взгляд на Тора.

– Нам нужен лекарь, – сказала я. – Нужно ехать в ближайший город и...

Молодой левантиец покачал головой.

– Я не буду продлевать мучения мертвого человека.

– Но он еще жив!

– Он мертв уже несколько дней. Пусть он уйдет с честью.

Я пыталась спорить, кричать на него и затыкать ему рот, но Китадо сжал мою руку, и я перестала думать о Торе.

– Ваше величество, – сказал генерал, и в его широко открытых глазах блеснуло отчаяние. – Пусть они заберут мою голову.

– Что?!

Трясущимся пальцем он указал на полуобнаженного Раха, неподвижно стоящего рядом с нами, хотя дождь уже капал с рубашки, которую он держал над нами.

– Я хочу, чтобы они... освободили мою душу... отдали ее богам.

– Но...

– Пожалуйста, ваше величество. Я не хочу застрять здесь в ловушке, в этом сломанном теле. Если есть хоть малейший шанс, что они правы... Обещайте, ваше величество, умоляю вас.

– Да. Конечно. Обещаю.

Даже если бы у меня было больше времени, я не стала бы спорить, но как только я дала слово, его темные глаза погасли, с губ сорвался вздох, и генерал грузно опустился на землю. Его рука выпала из моей, и он застыл. Как только его не стало, мои глаза наполнились слезами.

– Он хотел, чтобы Рах забрал его голову, – сказала я.

Не услышав ответа, я подняла голову на Тора и убедилась, что он меня слышал – его лоб прорезала складка.

– Ты тоже этого хочешь? – Он мотнул головой в сторону Раха. – Он не станет этого делать, если ты опять начнешь кричать.

– Сделайте это, – отрезала я. – Такова была его воля.

Тор пожал плечами, словно для него это ничего не значило, и заговорил с Рахом. Я не понимала, о чем они говорят, только утирала слезы мокрым рукавом, а потом Рах убрал рубаху, и буря снова накрыла меня своей печалью. Рах вытащил короткий нож, но ждал моего

разрешения, и я не знала – то ли поблагодарить его за оказанное уважение, то ли ненавидеть за то, что принудил меня дать ответ.

Я кивнула и отодвинулась, чтобы он мог занять место рядом с генералом Китадо. Я не могла смотреть на это, а просто уставилась на нескончаемый ливень, вспоминая отсеченную голову Танаки, лежащую отдельно от тела.

Правы были левантийцы насчет освобождения души или нет, но с той секунды, когда Китадо перестал дышать, я осталась одна.

Глава 8

Кассандра

Несмотря на все поучения Кочо насчет богатства, я ожидала, что дом Знахаря – нечто большее, чем просто полуразвалившийся особняк. Подъездная дорога к нему была вся в колдобинах, и экипаж трясло. Моя раненая нога стукнулась о дверцу, и у меня вырвалось болезненное шипение, прежде чем я успела сдержаться.

– Проклятье.

Девушка перевела на меня взгляд.

После того как богоподобный меня зашил, мне позволили вернуться в карету. Кочо немногословно описал ему ситуацию, и Знахарь молча взялся за дело. Это оказалось больнее, чем я ожидала, но после остановки для перекуса, отдыха и перемены одежды мы снова тронулись в путь, а внимательный взгляд молчаливой девушки был теперь все время обращен на меня.

Нескончаемый дождь заливал карету, а теперь он будто пытался снести с холма ветхий дом. С террас, окружавших имение, лились водопады, крутой въезд почти превратился в болото.

– Ну и дыра! – объявила я, хотя с тем же успехом могла придержать язык – никто из спутников меня не поддержал. И даже Она хранила молчание после стрелы.

По пути на запад императрица Хана просыпалась чаще, но хотя и выглядела теперь получше, смотрела главным образом в пространство, как и сейчас, и не произносила ни слова.

Экипаж поднимался вверх по дорожке, дом исчез из вида и появился только за следующим поворотом. С ним вместе надвигалось и гигантское дерево. Я наклонилась поближе к окну.

– Это дерево проросло сквозь крышу, – сказала я, хмуро всматриваясь сквозь дрожащее, залитое дождем стекло. – Зачем допускать, чтобы дерево росло внутри дома?

– Дерево? – впервые заговорила императрица Хана.

Не отгалкивая меня, она протиснулась к окну, вынудив меня подвинуться. Мы уже приблизились, и теперь не осталось сомнений в том, что дерево в самом деле проросло сквозь крышу когда-то элегантного загородного дома.

– Допустим, случилась ужасная буря, обвалилась крыша, и дождь залил дом, – сказала я. – Листья падают и гниют, через десять лет грязи стало достаточно, чтобы семя пустило корни. Но обычно, если в доме появляется поросль, ее выдернет даже тот, кому не на что чинить крышу. Если только он не решил, что древесная крона – хорошая замена крыши, и не упустил из вида, что эта дрянь листопадная.

Императрица Хана разразилась хохотом. Он начался гортанным смешком. Я была рада, что сумела ее развлечь, но она смеялась так долго и таким ненормальным смехом, и я начала сомневаться, что она вообще меня слышала. Когда взгляд ее налитых кровью глаз обратился к девушке, я уже была в этом уверена.

– Почему сюда? – спросила она повелительным тоном, словно с высоты трона Коя. – Для чего твой хозяин привез нас сюда? Это место не...

Голос императрицы угас, вся уверенность покинула ослабевшие губы. Взгляд округлившихся глаз метался по лицу молчаливой девушки, словно Хана в первый раз ее видела. А в карете внезапно как будто стало недостаточно воздуха.

– Саки? – сказала императрица.

Девушка склонила голову набок. Экипаж сбавил ход, резко остановился, и в дверях появился возница, по-прежнему укутанный в дождевик. А в дверном проеме дома показалась другая фигура, приветствуя нас, словно это поместье лорда, а не гнилая развалина.

Вышел Кочо, его седые волосы прилипли ко лбу.

– Госпожа, – сказал он, – переводя взгляд с молчаливой девушки на императрицу и обратно. – Как там Ходячая смерть? Больше не сквернословит?

Девушка покачала головой, бросила еще один взгляд на императрицу, а потом с мимолетной улыбкой приняла протянутую сморщенную руку Кочо и шагнула в дождь. Небольшое расстояние от кареты до дома она шла, явно не тревожась о том, что насквозь промокнет. Кочо двинулся вслед за ней, суетливо, как спешащий в укрытие пес.

– После вас, ваше величество, – сказала я, указав на открытую дверцу, за которой порывистый ветер кружил дождевую пыль.

– Я более не императрица, госпожа Мариус, и знаю, кого за это благодарить. Не хочу поворачиваться к вам спиной, вы способны вонзить в нее нож. Еще раз. – И она с издевкой изобразила легкий поклон. – После вас, госпожа Мариус.

Я могла бы с ней объясняться, умолять о прощении и обещать служить ей, дабы загладить свою вину, только это были бы действия человека с сердцем и совестью, действия женщины, которой не безразлично, что весь мир о ней думает. Нет, я не такая. Я сделала то, что требовалось, и как только получу, что хотела, тут же двинусь дальше.

И поэтому я лишь невесело усмехнулась и вышла под дождь. После двух проведенных в блаженной сухости дней я дрожала теперь от сырого, холодного прикосновения бури. Тугая повязка на ране не позволила бы мне бежать, но, прихрамывая, я поспешила к двери. Несмотря на влажный воздух, холл был благословенно сухим. Опыт пребывания в кирианских домах у меня ограничен, но, по-моему, даже в самом пустынном из них подобало иметь в прихожей что-нибудь, помимо пары выцветших акварелей и горшка, растрескавшегося так, словно изнутри проросли зубы. В глубину дома вел единственный коридор, полный теней. Одна из них, медленно приближаясь, обрела форму Кочо.

Пока я ковыляла мимо, держащий дверь слуга оглядел меня с головы до ног, даже не стараясь скрыть любопытство.

– Чего уставился? – рявкнула я, когда к нам подошел Кочо.

– Не обращай внимания. – Кочо сунул в руки испуганному молодому человеку пару посохов. – Она, похоже, задалась целью стать такой мерзкой и жалкой, как только возможно. Ты привыкнешь.

И он вышел обратно под дождь, чтобы со всем возможным уважением и почтением предложить руку помощи императрице Хане.

– А куда мне идти? – спросила я, опираясь на стену, чтобы облегчить нагрузку на здоровую ногу.

– Э-э-э... – Слуга открыл рот, снова закрыл и огляделся в поисках подмоги. Не найдя ее, продолжил: – Я не знаю. Там есть комнаты для всех... для таких... для... – И умолк, отстраняясь в тень за дверью, поглубже.

– Подопытных?

– Да, подопытных, – с облегчением выдохнул он. – Да. Я не знаю, какая твоя. Но уверен, Кочо... – Он склонился к старику, только что вошедшему вместе с императрицей Ханой. – Кочо, куда должна идти Ходячая смерть номер три?

– У меня есть имя, спасибо. Погоди – Ходячая смерть номер три? Есть еще такие, как я?

– Сейчас нет, но раньше... И хозяин... не называет подопытных по имени. Проще звать их в соответствии с душевными аномалиями.

– С чем с чем?

Слуга снова отступил в тень, его взгляд метнулся к Кочо.

– Не трудись отвечать ей, Лечати, – сказал старик. – Предоставь это мне.

– Лечати? – повторила я. – У него, значит, имя есть, а я Ходячая смерть номер три?

– Всего несколько дней назад ты не стремилась сюда попасть. – Кочо обернулся к Лечати. – Вот, покажи ее величеству комнату рядом с госпожой Саки. Я о ней позабочусь.

Взгляд императрицы метнулся к Кочо. Это имя что-то для нее значило. Саки. Есть старинная кирианская легенда о Саки, но эта девушка с пронизательными лиловыми глазами вполне реальна.

С облегчением вздохнув, Лечати протянул Кочо посохи и поклонился императрице Хане. Это движение вынудило его выйти к свету, и теперь стало видно, что его кожа темнее, чем казалось сначала, темнее даже, чем у левантийцев. По берегам Ленты вели торговлю люди из разных стран, но за все время в Женеве я ни разу не видела никого, похожего на Лечати.

– Вот сюда, ваше величество.

Кочо проследил, как они удалились, потом сунул мне посохи. – Пригодится, чтобы как-то передвигаться, – сказал он. – И позволь предупредить тебя – отсюда уйти так же просто, как и попасть сюда. Ни ворот, ни стен, ни охраны. Теоретически ты можешь уйти, когда пожелаешь. Большинство подопытных хозяина здесь добровольно – он так предпочитает. Но ты, – он ткнул пальцем в мое лицо, – ты же слышала там, в повозке, что нужна ему живой и здоровой. Если сделаешь, что он просит, может быть, он даст тебе то, за чем ты сюда пришла. Если нет – одной раной на ноге не отделаешься.

– От пьянчуг в женевских канавах я слыхала угрозы и пострашнее, старик.

Кочо усмехнулся.

– Мне известно кое-что, чего не знают те пьяницы. То, что ты далеко не такая мерзкая и холодная, какой хочешь казаться. Так что просто давай, веди себя хорошо. И без фокусов, ладно?

Он ушел в глубину коридора и ни разу не оглянулся. Несколько секунд я раздумывала, стоит ли за ним следовать, но когда у тебя по палке в каждой руке, перспектива прогулки под ливнем выглядит не очень заманчиво. Я поковыляла за стариком.

Коридоры ветхого дома укрывала густая тень. Сквозь открытые проемы дверей и решетчатые окна проникал тусклый свет, а дождь нескончаемо лепетал, но не находил дыр в крыше. Вероятно, когда-то вода текла – на полу виднелись темные пятна оттертой плесени, потолок был местами неумело залатан. Лучше плохая крыша, чем никакой, однако Кочо предпочитал не смотреть на следы поспешной починки, как будто это его огорчало.

– Не всегда дом выглядел как сейчас, – произнес старик, оборачиваясь ко мне, пока я неуклюже ковыляла за ним. – В свое время он был величественным.

– Значит, Знахарь не так хорошо латает дома, как раны от стрел?

Губы Кочо скривились чем-то вроде усмешки.

– Это место ему не принадлежит. Он им просто пользуется. Я вырос неподалеку, в маленьком городке Эсвар у подножия холма. В детстве мы подговаривали друг друга бегать сюда. О Ларотах много судачили. Говорили, что они пожирают детей. Что умеют превращаться в летучих мышей. Что умрешь, если встретишься с ними взглядом. В общем, всякую чепуху. Дом уже тогда начинал приходить в упадок, но в нем и теперь можно увидеть величественную красоту. Если бы мы вошли через парадную дверь, ты бы увидела Двор глициний. Он, конечно, зарос и в этот сезон залит, но туда на турниры странствующих рыцарей собиралась когда-то знать всей империи.

– Что случилось с семьей?

– Прогнивший род.

Я остановилась у выгоревшего портрета бесстрастной молодой женщины, Кочо тоже застыл в нескольких шагах от меня.

– Говоришь это так, будто люди тоже начали гнить, как и дом.

Старик пожал плечами.

– Можно сказать и так. Несомненно, под конец они не слишком любили друг друга, и один уже не был полностью в здравом уме. Так бывает при неверно понятых душевных аномалиях, а у них, судя по летописи, уже несколько поколений не рождалось нормальных детей. Мой хозяин счел это весьма любопытным, а его трудно удивить.

Он последовал дальше, а за ним, как привязанная, поплелась и я, задержав еще на миг взгляд на портрете.

– Значит, развалившийся дом и угасший род. Почему же мы здесь?

– Слухи охраняют от любопытных взглядов.

– Как и стены, и ворота, и запертые двери.

Кочо обогнул угол и двинулся куда-то вглубь дома. Свет лился теперь не только со стен, но и маячил далеко впереди, отражаясь от пола.

– Ты так и не скажешь мне почему?

Старик снова пожал плечами, не оборачиваясь.

– Захочешь узнать, тогда и стрел не понадобится, чтобы не дать тебе удрасть.

– Я здесь не по своей воле, старый... – зло огрызнулась я. – Если будет хоть один шанс сбежать, можешь не сомневаться, я им воспользуюсь.

– Ну, как скажешь.

Он в молчании шел мимо закрытых дверей, под все новыми заплатами на потолке. Свет становился ярче и наконец залил весь коридор. К запаху пыли теперь примешивалось что-то сладкое, и я закашлялась.

– Что за запах? – спросила я, балансируя палками в попытке прикрыть рукой нос.

– Цветы.

– И что за цветы так воняют?

– Гниющие.

Я перестала дышать носом, но запах все равно ощущался на вкус.

– Даже самые гнилые цветы не смердят так ужасно.

Кочо снова пожал плечами. Вонь, кажется, его не тревожила, но когда он обернулся ко мне, его глаза были влажными.

– Ты привыкнешь, – сказал он, шмыгая заложенным носом.

– Я привыкну? Да ты сам плачешь.

– Ладно, вонь омерзительная и приятнее не станет, но пройти дальше, минуя центральный зал, невозможно, так что... прикрывай нос рукавом и иди.

Я показала палки.

– Я же ранена, не так-то это просто.

– Тогда считай это наказанием, – произнес он сквозь рукав своего простого одеяния.

– Да пошел ты.

Он прищурил глаза в усмешке.

Со стороны коридора зал выглядел просто как огромная ярко освещенная комната, но, ковыляя следом за Кочо, я остановилась и посмотрела вверх. Дерево возвышалось над обоими этажами дома, его крона широко раскинулась, полностью перекрывая дыру в крыше. Дерево проросло и внутрь, его ветви и корни, извивавшиеся как змеи, покрывали все – от пола и до балюстрады огромной лестницы. То, что я сначала приняла за пестрый ковер, оказалось толстым слоем гниющих цветов. Гигантские синие и радужно-пурпурные цветы распадались в прах на когда-то деревянном полу, превратившемся теперь в земляной.

Взяв две свои палки в одну руку, я нагнулась и подобрала цветок, оказавшийся куда тяжелее, чем я ожидала. Цветы на дереве тоже выглядели тяжелыми, оттягивали ветки вниз, как плоды.

– Это что? – спросила я.

– Дерево.

Я выпустила переливающийся цветок, он шлепнулся в воду, а я взглянула на Кочо.

– Дерево? Столько болтовни про души и прогнивший род, и таков твой ответ?

– Другого у меня нет. Иди. Тебе наверх.

Кочо пробирался через это болото по тропинке из гладких камней. Останавливался на каждом, спихивал сандалией гнилые цветы, бормоча, что они будут скользкими под моими палками. Пока он трудился, я смотрела, как поверхность воды колышут капли дождя, который здесь звучал музыкальнее, чем снаружи.

Шлепки жирных капель сопровождали нас всю дорогу по лестнице. Она обвивала огромное царственное дерево, каждый вырост на узловатом стволе напоминал черты старческого лица.

Наверху лестница разветвлялась в два коридора.

– Сюда, – сказал Кочо, свернув в один из них.

Когда мы отошли от дерева, запах быстро угас, словно был чересчур тяжел, чтобы нас преследовать, и я снова при каждом вдохе задыхалась от пыли и старых благовоний. Если бы не мерцающая пыльца, оставшаяся на пальцах, все это показалось бы мне игрой воображения.

– Вот, пришли. – Кочо остановился у двери, ничем не отличавшейся от других, лишь одна бумажная панель отсутствовала – гнилой зуб в ровной улыбке. – Я велю принести чистый матрас для сна. Кормят тут три раза в день, а когда ты понадобишься хозяину, кто-нибудь тебя отведет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.